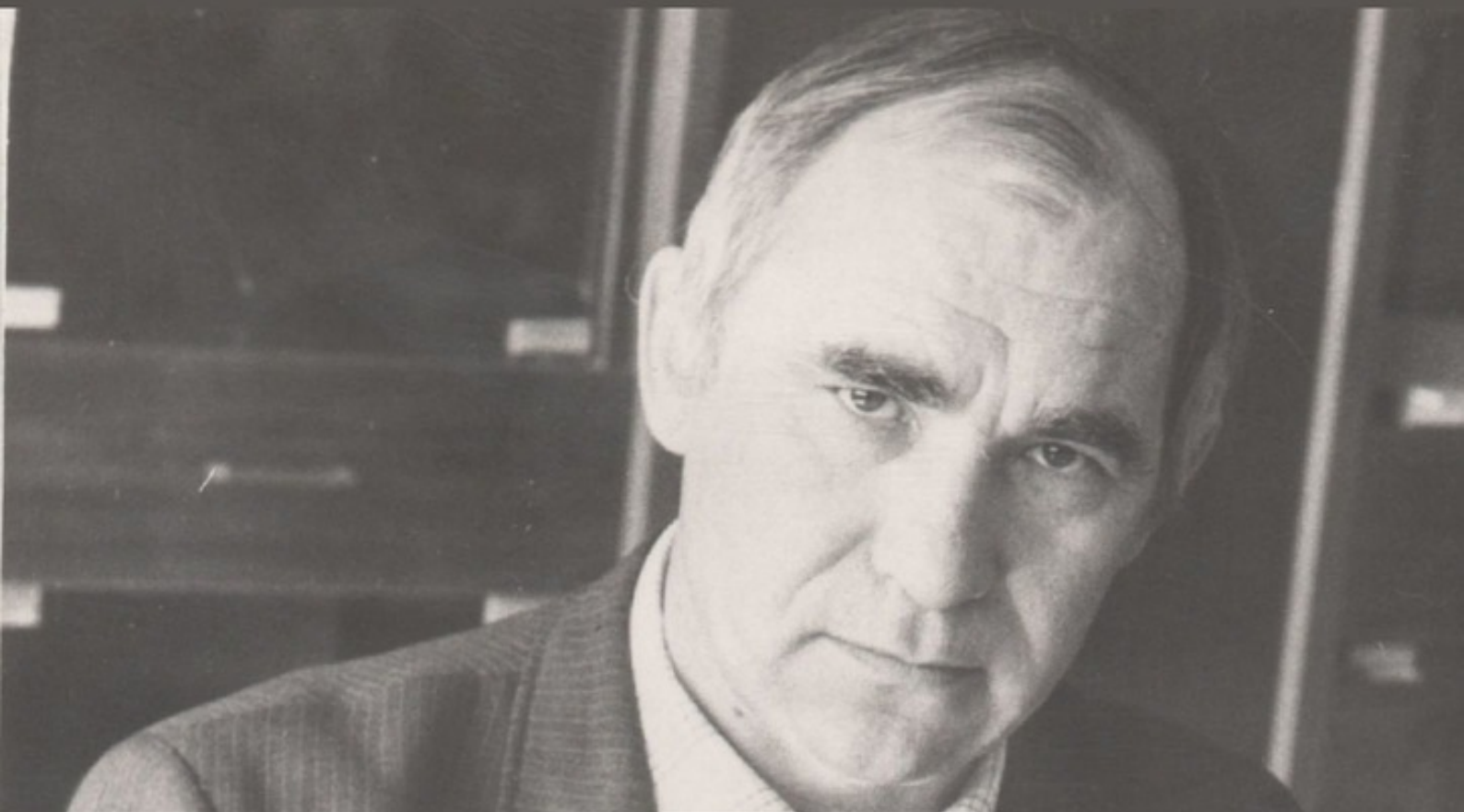

Геннадий Мещеряков

**ИЗ ДВУХ
ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ**

проза и стихи, принесенные ветром
Заволжья

Геннадий Мещеряков

**Из двух тысячелетий.
Проза и стихи, принесенные
ветром Заволжья**

«Издательские решения»

Мещеряков Г.

Из двух тысячелетий. Проза и стихи, принесенные ветром
Заволжья / Г. Мещеряков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501018-6

Родился я в селе Куликовка Саратовской области. После университета работал корреспондентом, редактором газет. Автор нескольких книжек. Одну из них представляю здесь, почитайте, надеюсь, не потеряете зря время. С уважением, автор!

ISBN 978-5-00-501018-6

© Мещеряков Г.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	7
Дыня	7
В поликлинике	9
Не может быть	12
Дядя Федор и Гек	13
Гек и Чук	16
В стране перевор	19
На полярной станции	26
Надоело	28
Лукреция	30
Куда, Василий?	32
Объявил голодовку	34
Представь, Зин	36
Интеллект-механизмы	38
Веуэлла	40
Эликсир бессмертия	42
На излучине	43
Уха для сатаны, или	45
О референдуме в деревне	46
Море плачет, или	49
Слезы моря	50
Мои наблюдения	52
Ха, ха, ха!	53
Петр и Феврония	54
Сказ о том, как судак	55
по Узням ходил	56
На краю у сказки	59
Прикольню	61
У киоска «Спортлото»	63
Слеза на погосте	64
Соломенная шляпа	65
А чё думать?	66
Противостояние	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Из двух тысячелетий Проза и стихи, принесенные ветром Заволжья

Геннадий Мещеряков

© Геннадий Мещеряков, 2019

ISBN 978-5-0050-1018-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЕННАДИЙ МЕЩЕРЯКОВ

Проза и стихи

Проза представлена рассказами на самые разные темы, есть и шуточные, и фантастические... Стихи нашептал автору прикативший из-за Узеня на колючках ветер, заденут ваши душу и сердце поэмы, написанные без ретуши...

Часть первая

Дыня

Интересно мне стало, а как проводят выходные дни мои сослуживцы, какое у них хобби.

– На даче был, собирал сливу, – сказал Петр Петрович, заведующий отделом снабжения. Врал, не отводя глаз. Как он может забраться на дерево с таким животом, который переваливается через два ремня, столько носил Петр Петрович брюк, даже летом. Сильно потел и оставлял на полу лужицу, когда останавливался на минутку перебраться словцом с коллегой. В таком случае собеседник подшучивал, не страдает ли он недержанием. Собирала сливу, вероятно, его жена – тощая и жадная баба. Сама лазила на верхние ветки единственной яблони, срывая плоды, и частенько падала вниз, как кошка, на ноги, берегла голову, так как работала офис – менеджером. Дотошная язва секретарша Фрида узнала, можно было и на голову падать: полы мыла жена Петра Петровича, движение швабры на компьютере рассчитывать не надобно.

Удивительно, все отказались от сливы, хотя принес ее Петр Петрович полный пакет.

– Я тоже был на даче, – сказал Иван Иванович, менеджер по связям с партнерами, – всю ночь, извините, просидел в лопухах за забором, даже луна казалась мне дыней, которой угостила нас Елена Гавриловна. Вкусная, ранняя, расхваливала. Чересчур ранняя оказалась – в июне.

– И со мной конфуз вышел, да на собрании собственников жилья, где я выступал с докладом об энергосберегающих технологиях, и только дошел до разницы в показателях счетчиков в квартирах и общедомового счетчика, как заурчало в животе... Когда я вернулся, в помещении подвала дремала только девятилетняя Акулинична, которая добилась стопроцентной экономии энергии, ибо пользовалась одним светильником – свечкой и доказывала всем, что это очень удобно: свечку можно переносить из комнаты в комнату, и она адекватна размеру ее пенсии.

– А как вы, Вера Петровна, провели свой досуг в выходные дни? – спрашиваю второго помощника главного бухгалтера отдела, ничем не довольную прямолинейную женщину, не только по характеру, и выглядела она, как жердь.

– Запор у меня был от вкушения этой дыни, – говорит, – две клизмы пришлось ставить.

– Помогло? – вырвалось у Елены Гавриловны.

– Испачкалась только, и касторка не помогла.

Загнула Вера Петровна, у нее всегда все наоборот. Хвасталась, что сына в секцию стрельбы из лука записала, а все знали, что он близорукий, дальше трех метров не видел. Чтобы не ссорить женщин, что нередко бывало в офисе, быстро спросил оператора Пастушкину:

– Теперь твоя очередь, Оля. Как ты провела свой уик-энд?

– Как все, – сказала она и сразу поправилась, – кроме Веры Петровны. Только не смейтесь. Муж из длительной командировки как раз приехал, очень соскучился, а меня в этот момент потянуло в туалет. Потом еще повторилось, не один же кусочек дыни я съела, муж обиделся и ушел, куда? И соседки вроде серьезные... наделала делов дыня...

– А Петр Петрович-то рассказал только о сливе, о дыне не обмолвился и словом.

– Смотреть, Фридочка, надо внимательнее, видишь, как его опустошило? На животе только один ремень, – пошутил я.

– Тогда и сами выскажетесь, спрашивать всегда легче, чем отвечать, – обиделась Фрида.

– Мне повезло. Плохое случилось на пляже. Заплыл подальше я, пока мог терпеть, и...

– Фу, теперь никогда не буду купаться в речке, – молвила Вера Петровна.

– Так ведь на речке есть течение, отнесло, чай, – сказала наивная Оля, и все, держась за животы, засмеялись...

В поликлинике

Мне нужно было пройти медкомиссию. За деньги обежал многих врачей, осталось сделать укол от бешенства, сдать кровь и все выделения. Это не я, так сказал невропатолог, стукнув меня молоточком по копчику. Пришлось присесть на четыре мосла.

– Главный нерв там, у тебя он в порядке, реагирует правильно, – объяснил эскулап.

– Вы тоже в секции боевого самбо занимаетесь, говорите, как наш тренер Пупочкин? – спросил его.

– Пройденный этап, я занимаюсь у Лобкова. В отличие от Пупочкина он верит, что спорт и медицина тесно связаны. Когда попали ногой ему в копчик, сразу скорую вызвал.

– Вызовешь тут.

– Но мне не нравятся твои глаза, не царапал тебя кот, не кусала собака? О лисе не говорю, сам ее напугаешь.

– Нет, только соперник, Петькин, он всегда кусается, кода сдавишь его удушающим приемом. Теперь не кусается.

– Почему?

– Зубы мы ему выбили, сам попросил.

– Сам? Подозрительно. А слюна изо рта у него не идет?

– Идет, бывало, пока борется, облизывает противника.

– Слышал, у него удар сильный?

– Буйвола повалит.

– Как же вы выдерживаете такой удар?

– Площадь кулака мы ему уменьшили.

– Никогда подобного не слышал?

– Надо вывернуть мизинцы, и все.

– Вот что, дружок, срочно сделай себе укол от бешенства и сегодня же пригласи к нам Петькина. Да, и сходи к окулисту, обязательно.

Странно, и другие врачи о том же говорили. Венеролог попросила меня раздеться, и не стесняться: не женщина, дескать, она, а доктор, ко всякому привыкла. Как схватит за мое мужское достоинство, я и упал на колени, от боли слезы покатились. Говорит, все нормально у меня, что удивительно, так как глаза сильно выпучены, не нравятся они ей. Не встречал ли я лису, когда ходил за грибами? Отвечаю:

– Нет, я грибы на базаре покупал.

– На базаре? Срочно сделай укол от бешенства, – потребовала она.

У хирурга, старичка с бородкой клинышком, как у козла, пробыл с полчаса. От него узнал, что у меня плоскостопие, ноги с кривизной и такой же позвоночник. Тяжести носить нельзя. Не нравятся ему и мои глаза, в них кто-то корчит рожу, а это первый признак бешенства. Нет ли у меня стремления, свалить человека, сделать ему больно?

– Тем и занимаюсь.

– Что? – воскликнул он. – Немедленно в процедурный кабинет, скажешь медсестре, чтобы сделала укол от бешенства, даже два: возможно, укусили тебя, были случаи, и от жен заражались этой неизлечимой болезнью, хотя не только.

Я знал, что мало бывало пациентов у доктора, некоторые не выдерживали его простран-ных лекций о болезнях, и попадали в реанимацию, но такое случалось, буду справедливым, редко, хотя слухи по больнице носились, и посетители огибали кабинет старого хирурга. Интересно, смог бы он сейчас сделать аппендицит, работал-то больше штатным лектором облздрава.

В процедурном кабинете все было просто. Говорю двум веселым ребятам, что кровь и выделения надо сдать. Таких шутников еще не видел. Был у нас раньше тренер, перед занятиями «держал» ринг, то есть стоял на нем на руках, с полчаса не меньше. Потом с красными глазами набрасывался на спортсменов. Бывало, перебарывал троих. Перед боем и мы начали «держат» ринг, не всегда помогало, правда. Веселые санитары, как я узнал уже потом, были практикантами, они заставили меня оправиться прямо в кабинете в мусорное ведро. В это время зашла врач...

Старшая медсестра, которая заверяла справки, с сумкой на коленях походила на кенгуру. Внимательно посмотрев на меня, протянула анкету с вопросами об уровне медобслуживания в поликлинике, которую надо было заполнить. Устал я, наверное, от хождений, и у меня помутнело в глазах, все строчки слились.

– Не могу, – говорю.

– Жаль, на вид-то не старый, – обрадовалась она своей шутке.

– А на ковре приемы четко отрабатываю, – не подумав, ответил я. Она даже вскочила со стула, прижав к животу сумку.

– На ковре еще импозантней, я сразу поняла, что ты с сумасшедшинкой, черти в глазах так и бьют копытами.

– И вы туда же: а не боитесь, что в сумку залезу.

– В ней пусто, в сумке-то, лучше под сумку, – оказывается, кенгуру могут и ржать. Я сам поставил на справку печать и, как когда-то наш ротный старшина, рявкнул:

– Жди меня, и я вернусь, вот только укол сделаю.

– Какой укол? – уже рявкнула она.

– От бешенства, милая, от бешенства.

И я побежал делать укол, а что, на всякий случай, так как, действительно хотелось кого-то укусить. Молоденькая, как восьмиклассница, сестричка сразу спросила меня, чего и сколько делать.

– А вы разве не знаете? – видимо, ее назвали на «вы» первый раз и она не покраснела, а побелела от волнения.

– Не знаю сколько доз.

– Делайте не меньше двух, так говорил хирург.

– Иван Иванович?

– Наверное.

– Это мой дядя, он знает, что говорит, вот меня поставил на уколы, чай, ширяй, да ширяй.

– А бешеным от двух доз я не стану?

– Симптомы сначала будут, вы не бойтесь, потом пройдут, чай.

У окулиста тоже побывал. Думал, испугаю ее: маленькая, тощенькая. Представьте, вам боров глазом все время подмигивает, не ужаснетесь? А я на борова очень похож, дед так говорил, когда к нему в деревню ездил. У меня с детства ноздри вывернуты, поэтому и такое сходство, да и жировая прослойка дай бог: мне что зима, что лето, была бы полынья.

У окулиста очки толщиной в палец. В тот день она забыла их дома, но посетителей принимала.

– Ваш пол? – спрашивает.

– Разве не видно, не брился три дня, – отвечаю.

– Значит, мужчина, хотя и женщины бывают с усами. На что жалуетесь?

– Хочу провериться, говорят, черти у меня в глазах прыгают и копытами стучат. Выгнать бы их оттуда.

– Выгнать-то можно, даже народными средствами. Пожуй красный перец, и глаза повылезает. Надо первопричину искать, почему копытами стучат, а не сидят тихо. Вас в последнее

время никто не кусал? Недавно возле поликлиники бешеную собаку поймали, покусала многих врачей и медсестер.

– Никто, – говорю, – даже комар, – теперь я понял, почему все врачи задавали один и тот же вопрос, и поинтересовался, не цапнула ли и ее собака?

– Кажется, нет, но сомневаюсь, – пооткровенничала она, – сейчас передо мной из тумана все время выглядывает какое-то свиное рыло. А у вас-то хоть зрение нормальное, все буквы на табличке видите?

– Все, но свиное рыло тоже вижу, правда, в зеркало, но отчетливо, – поднялось у меня настроение.

Не может быть

Молодой человек в модном костюме достал из кармана пачку денег, отсчитал несколько купюр и протянул толстому краснолицему парню:

– Вот, возьми долг, Борис.

– Нашел работу, Владимир?

– Да, повезло. Помнишь, два поезда столкнулись лбами, даже дуб согнулся от воздушной волны? Полез я под перевернутую платформу за грибами, с испугу, вероятно, там выросли, и за ней увидел предприятие, о котором раньше не ведал, там и устроился на работу.

– Не может быть.

– А откуда тогда деньги?

– Поэтому и странно, раньше ты ходил в ботинках с оторванными подошвами. Не замочил какого-нибудь менеджера по газу?

– Провидец ты, Владимир, действительно в газовой компании я устроился, взяли с руками и ногами.

– Не может быть.

– Почему?

– Да потому, что у тебя одна нога, вместо другой протез, – усмехнулся Борис.

– Мне киберпротез поставили, лучше живой ноги: когда чечетку отбиваю, дятел завидует.

– Не может быть, в нашей конторе скорее вырвут ногу, на органы, в основном, посылают.

– Мои коллеги вежливы, для них главная радость, если хорошо другому человеку. Выбирают из числа холостяков для матерей-одиночек мужей на субботу и воскресенье. Конечно, по их обоюдному желанию.

– Не может быть.

– Может, Борис, я тоже приглянулся одной молодухе, но пока помог ей довести из магазина кухонный агрегат.

– Довезти?

– Да, коллеги по работе подарили мне рысака, чтобы не загрязнять атмосферу, машины в газоконтакте не приветствуются.

– Оригинально. А под нашими седоками, сам знаешь, целый табун лошадей, и как они портят воздух. Я смотрю, Владимир, ты мне маловато денег дал.

– Так, деноминация же?!

– Не слышал. В магазинах, видимо, тоже о ней не знают, цены прежние.

– Я в растерянности, Борис. Кажется, вокруг те же дома, но когда успели навалить кучи мусора, в которых копошатся бомжи, да и газоны не подстрижены.

– Боже, а не попал ли ты, Владимир, в иной мир, параллельный или даже пусть перпендикулярный? От столкновения поездов, вероятно, искривилось пространство, и открылся портал. Надо срочно проверить. Если так, Абрамовичами станем: в твоём мире продукты намного дешевле. Бежим к дубу.

– Не успеем, железнодорожники кран пригнали, уберут платформу, и портал может сдвинуться.

– Побежали, нам хотя бы туда проскочить. Возможно, в параллельном мире и жены характером другие, ворчать не будут и сами нам водочки нальют.

– Вот этого, Борис, точно никогда не может быть.

Дядя Федор и Гек

Дядя Федор был очень высокий, широк в кости, и когда выбросил дырявые сапоги, в них сделал себе конуру щенков Кузя. А в галошах, которые он носил в грязь, свободно умещался трехлетний Вовка, плавающая в них в глубокой луже.

Мать оставила его, уехав куда-то на заработки с таджиком, подарившим Вовке тубетейку, которую он почти не снимал, боясь потерять единственное богатство.

Многие, особенно свои дворовые, засматривались на Вовку, сидящего посреди лужи в галоше.

– У – у – у! – гудел он, разбрасывая ладошками грязные волны.

– А где гастарбайтеры? – интересовались прохожие.

– Это наш, Вовка, мать на заработках, я присматриваю за ним, даже сплю в его комнате, – объяснял дядя Федор.

– Он же маленький?

– Зато я большой, – а что он мог ответить им, такова реальность. Все видели, что дядя Федор действительно очень большой и удовлетворялись ответом. Вытаскивали из сумок и протягивали мальчугану снадобья, даже железные рубли. Их дядя Федор отбирал сразу: Вовка же не купит себе ничего, мал еще, а ему надо на махорку, цедил как паровоз, и радовался – дареных продуктов хватало и ему, по крайней мере, голода не испытывал, но чувствовал себя неловко: великана с высшим гуманитарным образованием кормит дитя. В новой жизни, где почти все гуманитарии, дядя Федор оказался не нужным, постепенно потерял все – и стал бомжем. Но не ковырялся в мусорных бачках – под его рост не подходила ни одна выброшенная вещь. Брюки обрезаю и носил как шорты. Еще шло в жару, а настали холода, обматывал ноги онучами и на кого был похож – не спрашивайте. С Вовкой стало легче, но ненадолго, и он стал искать выход из создавшегося положения. Тем более вернулась мать Вовки, и дядя Федор снова опустился в подвал на свое место, где знакомые пауки щекотали его голые пятки, лишь сунет их в паутину. Другие бомжи боялись пауков, и место у горячей трубы всегда было свободным...

И его голову теперь украшала тубетейка, Вовка подарил, так как таджик привез ему новую – поменьше размером.

Вовка частенько спал в подвале с дядей Федором, особенно когда мать с сожителем напьются – тогда из паутины торчали две тубетейки, и за ночь пауки протягивали между ними несколько серебряных нитей. Приходилось их разрывать: один спешил к луже, другой – никуда.

В обстановке медленного течения времени все изменилось мгновенно. Вовка даже сначала не узнал дядю Федора, перед ним стоял настоящий Гулливер – в ботфортах, шляпе, с огромным пакетом конфет. Мальчик еще не знал об этом герое из-за своего малолетства, но был удивлен, как удивились бы и мы, встретив во дворе у своих луж Гулливера.

– Дядя Федол, конфетки мне? – спросил Вовка и заплакал, протирая грязными ручонками глаза, когда услышал:

– Тебе, Владимир Гаврилович, только тебе, давай, гребни к берегу. Не продырявилась лодка, осадка большая?

– Я чичас, – ответил мальчик с таджикским акцентом и, опираясь руками о дно лужи, придвинулся к ботфортам Гулливера...

Случилось невероятное, что многим может и не присниться. Увидел он однажды паука иной расцветки – золотого. Откуда он в подвале, где все пауки серые, невзрачные, им бы только тенета плести. А этот светился изнутри, как новогодняя лампочка или индикатор телевизора. И осенило дядю Федора: паук из иного мира, значит, там, в углу за паутиной, портал, вход в этот мир.

Увидев большую трещину, дом-то старый, первых застроек, дядя Федор вошел в нее свободно, несмотря на свой рост, даже не пригнулся: портал все-таки. Его встретили два маленьких, не выше Вовки, человечка и с криком: «Гулливер, Гулливер!» потянули за самодельные шорты к городу. Откуда они знали эту сказку Свифта, может быть, потому, что сами были лилипутами? А их дома от наших ничем не отличались. Только размером – одноэтажный дом казался чуть больше собачьей будки, и луж не было на улице, только деревья и цветы. А мальчики плавали в лодочках на голубом озере. Люди в ином мире не пользовались автомобилями, а летали на птицах, и воздух всегда был прозрачен и свеж. Многие одевались как мушкетеры, но носили деревянные шпаги, чтобы не причинить вреда друг другу. Приодели и дядю Федора. У них не было бомжей, наоборот, строили дома человеку до его рождения. А когда дядя Федор рассказал им о Вовке, столько надавали конфет, сразу и не унесешь. Он снял с головы тубетейку и положил на плоскую крышу башни, которая стала походить на гриб. А что он мог подарить еще, не обрезанные же штаны? Иномирцы, так их назвал дядя Федор, рассказали ему, что золотые пауки – роботы последней модели с проблесками сознания, поэтому их и потянуло к живым паукам. Портал был открыт для него, и больше никто не воспользуется им, разве только Вовка, и то, если будет в тубетейке, которая станет своего рода паролем.

Малыш, конечно, понял не все из того, что говорил дядя Федор, но поверил ему, так как действительно видел перед собой и сапоги, и шляпу, и конфеты.

– Дядя Федор, а у меня тоже тубетейки нет, – сказал Вовка.

– Куда она подевалась? – удивился тот.

– Солока унесла.

– Сорока?

– Как вцепится, и унесла, – вздохнул малыш.

А дело было так. Вовка еще только шел к луже, ставшей в два раза больше и глубже после прошедшего ночью дождя. В ней, размахивая крыльями, брызгались два голубя. Он хотел прогнать их, лужа-то его, и уже бросил камешек, как, вдруг, кто-то вцепился в тубетейку и сорвал ее, унося вверх на макушку дерева. Он видел только крылья и длинный хвост, но догадался: это была сорока. Она постоянно трещала на березе, и он часто передразнивал ее. Наверное, отмстила ему, или за голубей заступилась. Повесила над гнездом на ветку. Такой крыши с золотыми узорами ни у кого из птиц не было. Теперь на скворчат, если они есть в гнезде, не упадет и капелька дождя. Птенцам тубетейка больше нужна, сделал Вовка вывод, и не стал сильно печалиться о ее потере, дядя таджик купит еще одну. Недавно работу нашел – лопата у него такая огромная – «сопковая».

– Не горюй, Вовка, я тебе в следующий раз настоящую резиновую лодку принесу – больше галоши. Ты же растешь, и уже еле вмещаешься в нее, а у лилипутов полно лодок, на каждом озере. Одну всегда дадут.

– Не надо лодку, дядя Федор, лучше конфет плинеси, вкусные.

– Ты прав, Вовка, слышал я, скоро засыпят лужу, и лодка будет не нужна.

– А где я буду плавать, – чуть не всплакнул малыш.

– Мы, Вовка, сделаем качели, между березками, будешь до самого гнезда раскачиваться.

– И до тубетейки?

– Само собой.

– Дядя Федор, а возьми меня в иной мил, я же маленький и на озеле буду плавать, на лодке, и конфеты не надо плиносить, там буду их сосать.

– Для других, Вовка, портал пока закрыт, а у тебя пароля, то есть тубетейки, нет. Представь, все рванутся туда, никакого иного мира не хватит.

– И конфет?

– Естественно, и конфет...

Лучше бы дядя Федор не смотрел ребенку в глаза, наполнившиеся всеми оттенками печали. У него самого выкатилась слезинка, которую он незаметно смахнул в лужу, где плавала его старая галоша счастья.

Гек и Чук

– Гек, а где ты учишься, по слогам афиши читаешь? – спросил толстый модно одетый подросток своего ровесника в растоптанных сандалетах.

– Нигде, я сам грамоту осилил. Философом хочу стать, этого легко добиться, если думаешь не как все. Так Абрам Ибрагимович говорит. Он тоже за партией не сидел, а философию преподавал в ниверситете.

– В университете.

– Нет, в ниверситете.

– Я такого, Гек, заведения не знаю.

– Частное, для богатых бездельников.

– Не все богатые бездельники.

– А почему у тебя бывает геморрой? Абрам Ибрагимович говорит, если есть геморрой, значит бездельник, а он философ и знает, что говорит.

– Вообще-то интересно рассматривать индивидуумов с философской точки зрения. У нас соседка по даче Венера Пахомовна при встрече только кивает головой, говорить не может: так натянула кожу на лице. А ее подруга Анжелика Ивановна утроила губы и выговаривает лишь слова, где много гласных, хотя работает диктором на вокзале. Что бы сказал твой наставник Ибрагимович, посмотрев и послушав, как они общаются?

– Философы?

– Еще какие. Венера Пахомовна считает своими всех мужчин поселка.

– Сколько же у нее бобла, Чук?

– Наверное, много, меньше трех мужиков в ее саду никогда не пасутся. Настоящий философ Анжелика Ивановна. По ее разумению у человека меньше проблем, если он едет в сторону от своей цели, и специально не выговаривает номера поездов, с ее-то дикцией.

– Для того и губы надула?

– Скорее всего, – засмеялся Чук. – Люди садятся не в свои поезда, путают маршруты, она рассказывает об этом Елене Пахомовне, и обе хихикают, правда, с трудом. Анжелика Ивановна однажды своего мужа посадила пьяного в другой поезд.

– Круто!

– Третий год его не найдет.

– Сбежал?

– Соглашусь с тобой, она иногда и сама отбывает в другом направлении, говорит, клево. А какие впечатления: в бригаде лесорубов побывала, в чуме у чукчи зимовала.

– И общались?

– А зачем? Ешь мясо, да спи, с их-то произношением.

– Ты, Чук, говорил, что всей семьей отдыхали в тропиках, там удавы водятся?

– Полно. У Венеры Пахомовны и Анжелики Ивановны есть третья подруга Эсмеральда Семеновна. Она отдыхала вместе с нами. До сих пор рот не закрывает: к ней в постель удав забрался. Просыпается, а рядом он огромным глазом ей подмаргивает. Рев слышали и глухонемые. Говорят, ревел и удав: Эсмеральда Семеновна раз пять подтягивала на лице кожу. Челюсти ее так разошлись, что теперь до конца не сходятся.

– Разводишь, или действительно так пасть раскрыла?

– Сам был свидетелем, мы в соседнем номере жили.

– В нашем доме тоже похожий случай был, орангутанг к старой деве через балкон залез, сбежал из зоопарка в поисках умершей подруги, и – к ней, хотя она была без шерсти. Возможно, подумал, побрилась, сейчас это модно. Только через суд отдала старая дева орангутанга в зоопарк и теперь, наоборот, не открывает рот.

- Это не аналогичный случай, Гек, дело, видимо, во внешнем сходстве дам.
- У мужиков, Чук, еще хлеще бывает. Тот же Абрам Ибрагимович. Пришел домой – жена с другим. Его же и выбросили из квартиры, хорошо не побили.
- Да, Гек, много в нашей жизни нелогичного, даже несуразного. А ты был за границей? Две недели общаемся, а я о тебе ничего не знаю, скрытный ты.
- Не люблю я о себе говорить: несуразного, слово мне твое понравилось, много. Был и за границей, но неудачно, зашел на чужую территорию и получил по шее.
- Визы не было?
- У вас виза, а у нас разрешение.
- Твой отец большая шишка, без виз обходитесь?
- Через любую границу запросто проходит, спецкурьер он. Но несколько лет о нем ничего не слышно.
- Пропал?
- Да, ищут его, особенно друзаны.
- И полиция?
- А то, и мне прохода не дает: «отец не звонил, весточку не подавал?» А куда он позвонит или даст весточку. Я теперь с Абрамом Ибрагимовичем живу, в его секции.
- А мама твоя где, вероятно, волнуется?
- Не очень, она закаленная, тоже спецкурьером была.
- Была?
- Сейчас, как рассуждает Абрам Ибрагимович, ограничена в передвижениях и не влияет на процессы.
- Я плохо врубаюсь, если она спецкурьер, зачем пересекать границу нелегально, долго оформить необходимые документы? Диссертации изготавливают. Папин знакомый стал доктором наук сразу после избрания его депутатом, кстати, философских наук. Тоже мыслит неадекватно. Уехал на Чукотку, и пошел в рост, написав диссертацию о влиянии северного сияния на мироощущение жителей стойбищ. Доказал, что в метель, когда нет сияния, чукчи пьют водку в два с половиной раза больше, возрастает поэтому смертность. Чтобы не допустить этого, надо разгонять облака. Все логично.
- Мама, Чук, тоже на Чукотке, если и пишет диссертацию, то о выращивании на крайнем Севере конопли.
- Она по профессии биолог?
- Не стать тебе, Чук, философом, действительно, не врубаешься, за колючкой она, так как была наркокурьером.
- И отец?
- Вся семья.
- Значит, и ты?
- Вот о себе я бы так не сказал: было дело до знакомства с Абрамом Ибрагимовичем, распространял в вашей частной школе наркоту, теперь нет, считаю такую необходимость случайной.
- Интересно, а чем занимается твой Ибрагимович?
- По утрам он собирает бутылки в парке отдыха, иногда находит там забытые вещи, вырванные документы, которые всегда возвращает, за мзду, конечно, так как каждая услуга, по его мнению, должна оплачиваться.
- Так, Ибрагимович бомж?
- Наконец-то врубился, обитаем мы с ним в подвале в отдельной секции.
- Как я ошибся, думал, друга нашел, который не как все...

– А собственное мнение, Чук? Разве этого мало. Я сын вора в законе, а ты – законного вора, обворовавшего страну. Прощай, Чук, с тобой неинтересно, не станешь ты философом никогда. А мог бы.

В стране перевор

Картина первая

Сидят трое на сломанной скамейке у подъезда с перекошенной дверью. На одном – майка с заплаткой, на другом – рубашка с оторванным рукавом, на третьем – шорты из обрезанных штанов. У всех на ногах белые тапочки...

Подъезжает к подъезду роллс-ройс, выходят двое бугаев и толстый человек, одетый с иголочки.

– Где жильцы этого дома Петров, Сидоров, Иванов? – спрашивает толстый.

– Это мы, – отвечают трое.

– Три месяца не платите долги, я владелец дома, давайте, ребята.

Бугаи начинают избивать троих.

Первый кричит:

– За что?

Второй:

– Сам обманул нас.

Третий:

– И жен забрал.

– Чубайс виноват, он надоумил скупать ваучеры, – отвечает толстяк.

– Чубайс виноват, а бьют нас, – вопит первый.

– Хотя бы жен вернули, – добавляет второй.

Толстый хохочет: Так мы вам искусственных баб дали, правда, использованных.

– Они и кашу-то не могут сварить, – жалуется третий.

– Это что же, на пшено есть деньги, а на оплату квартиры нет? Добавьте им, ребята, – злится толстый так, что дрожит живот.

– Не бейте, каша у нас не из пшена, а из отходов проса, – снова кричит первый.

– Мешок принесли, – добавляет второй.

– С птичьей фермы, брошенной, – уточняет третий.

Один из бугаев обращается к толстому:

– Иван Гаврилыч, возможно, и правда отходы: орут, а изо рта несет, как из параша.

– Не верь им, Клин, с проса не просили бы вернуть своих баб. А, собственно, почему не вернуть, надоели.

– Болтушки, даже малыши язычками шепелявят, – острит Клин.

Раздается не крик, а визг:

– Иван Гаврилыч, помилуйте, не возвращайте мне бабу, сбегу, не хочу спать под кроватью. С неживой лучше, она всем довольна. А моя, не успеешь лечь, тянет руку под кровать: а ну, иди сюда, паршивец.

– Ха-ха-ха, – словно лодочный мотор заработал, так смеялся толстый, – не заплатишь за квартиру, обязательно вернем, ха-ха-ха.

– Я где-нибудь устроюсь, Иван Гаврилыч, хоть сортиры чистить, не возвращайте ее.

– А вам? – обратился толстый к двум другим побитым.

– Нам, Иван Гаврилыч, можете вернуть. Обещаем, что рассчитаемся с долгами, – сказал первый.

– Эко!

– Они у нас работающие, дежурят по вызову, – добавил второй.

Картина вторая

В кресле, обтянутом шкурами последних на Земле леопардов, сидит с кислой миной на лице олигарх.

– Нездоровится, Тихон Елистратович? – спрашивает помощник, готовый, кажется, с радостью отдать шефу оставшиеся годы жизни.

– Подковы еще ломаю, Арсений, рудники не истощились. Кажется, есть все, новая яхта девятый вал режет, собственный лучелет за минуту на Марс доставляет, а драйва нет. Такое состояние человека раньше называли хандрой, прав Сережка Есенин: «есть тоска зеленая в аlostях зари...»

– Да, Тихон Елистратович, видимо, неадекватный случай: когда все есть и все можно, а ты хандрить. Поможет, возможно, психологическое шоу, чтобы затрясло в смехе, как тогда от высокого напряжения. Помните, вы в электрощит залезли на корпоративе?

– Соображаешь, Арсений, что не скажешь о других сотрудниках, хотя и у них голова тыквой. С детства люблю этот овощ, как наемся, залезу на печку, и только попукиваю.

– Вы и сейчас, Тихон Елистратович, нередко так подшучиваете, строго спрашивая, кто это сделал. Все знают и умиляются.

– Не только с тыквы, вероятно...

– Естественно, Тихон Елистратович, баранов на шашлыки с лунной фермы доставляем, без микробов.

– Поэтому и запах чистый не заразный.

– Какое тонкое наблюдение, я бы иначе давно, извините, сдох, ибо постоянно нахожусь рядом с вашим очистителем.

– Да, Арсений, здоровье и у тебя отменное, все время пыжишься, чтобы не подпустить. Сделаем мы психологическое шоу. Давай, зови ко мне по очереди сотрудников, скажи, что я смертельно болен, хочу с ними проститься и отблагодарить их.

Арсений уходит, Тихон Елистратович, приподнявшись в кресле, издает неприличный звук:

– Без микробов, ха, – дергает головой, – смысленный, нашел оправдание, чертенок.

Входит маленький лысый человек в больших очках:

– Нижайшее почтение, Тихон Елистратович, к вашим услугам.

– Экономист?

– Так точно, менеджер по сбережению затрачиваемой вами неиссякаемой энергии.

– Без лишних слов. Скоро я умру, таков вердикт врачей. Хочу знать твое мнение о себе. Только начистоту, без всяких панегириков, от этого будет зависеть величина моей благодарности.

– Да, я никогда даже не употреблял слово панегирик. И не нужно. О вашем уровне руководства можно судить по моей должности. В других концернах таких должностей нет, не доросли.

– Что же, оригинально. Зови следующего.

– Я Брызгалкин, заведующий сектором экологии.

– Знаешь, почему тебя вызвал?

– Знаю.

– Говори.

– Вы, Тихон Елистратович, очень рачительный организатор, умеете выбирать сотрудников, не надо шить единую форму одежды, по размерам головы нас отличают от других.

– Ладно, ладно, это я и сам знаю. Ты вот что, сектор экологии, объясни, правда ли, что в наших шашлыках нет заразных микробов?

– Они есть везде, даже в метеоритах.

– Гм, а Арсений говорит, что баранина с Луны и отходы ее переработки обеззараживаются.

– Он прав, ваши отходы точно обеззараживаются. Вы же не виски рюмочками под шашлычок пьете, как какой –нибудь сакс, а, как настоящий русский богатырь, спирт, стаканами.

– Убедил, ну, а об умственных способностях моих что думаешь, голова у меня тоже тыквой?

– Тихон Елистратович, тыква тыкве рознь, у одной мелкие семечки, у другой крупные. Так и мозги. По сравнению с вашими у Фриды, секретарши, их вообще нет. Пришла на карнавал с бритой головой, похожей на кабачок, инопланетянка, блин.

– И ты слащавишь, как тебя там... Тычинкин?

– Пестиков, Тихон Елистратович.

– Какая, хрен, разница. Зови следующего, охранника Псова лучше.

– Он налает.

– Зови, зови.

Не случайно у Псова была такая фамилия, казалось, он рычал:

– Форточку бы открыл, хозяин. Перестарались твои подчиненные, нечем дышать.

– В конуре аромата не больше, – буркнул Тихон Елистратович, – ты говори обо мне все, что думаешь, денег оставляю, в собственную квартиру переберешься.

– Сторожевой собаке терять нечего. Почему, где вы, там и вонь? Значит, вы совсем не аппарат, перерабатывающий пищу. Умственные способности? Да, никаких. Додумались, умрете скоро. В зеркало посмотритесь... Ого, у вас губы задрожали, не кипятитесь. Я тоже дурак, если охраняю наворованное вами.

– Не все же у нас дураки, Псов? Елена Петровна без счетной машинки подсчитывает свою прибыль, а Григорий Флешков любой компьютер может вскрыть.

– Да, залезая в окно.

– Невероятно, но факт, ты раскусил мое психологическое шоу.

– Я его и в рот не брал. Конторские печалятся: скоро шеф умрет, скоро шеф умрет, а щеки у всех, с подсветкой были бы не ярче.

– Вот думаю, Псов, что с тобой делать, после твоих откровений.

– Что делать, Тихон Елистратович? Извечный вопрос, а дайте вы мне премию, окладов пять. Во всем концерне один неподхалим.

– А что, – встал Тихон Елистратович, издал привычный звук, – все бы из наших выгнали тебя с треском, а я дам тебе... десять окладов премиальных. Из хандры меня вывел.

* * *

Картина третья

Самолет президента. Вир-салон. Президент смотрит в иллюминатор.

– Какая впечатляющая панорама, давно не летал этим маршрутом.

– Пятнадцать лет, три месяца и два дня, – говорит его главный советник.

– Да, многое изменилось внизу. А скажи-ка, всезнающий, кто это летит за нами от самой Москвы? Стерхи? Нет, не похоже. На стервятников смахивают.

– Это, господин президент, не стервятники, хотя, действительно, смахивают на них, а наши министры. У них один принцип: куда вы, туда и они.

– Принципиальные, значит? Ну-ну.

– На борт, кроме своих, никого не берут, не как олигарх Пахомов – хореографический ансамбль «Рябинушка».

– Поэтому и не женится, проказник: скупил всю сибирскую низменность, теперь замахнулся на «Байкал».

– Не замахнулся, по моим данным, уже ворует из него воду, и уровень озера заметно снизился.

– Китайцам качает?

– Не только, господин президент, монголы заполнили до краев колодцы для лошадей.

– Теперь понятно, почему изменили маршрут моего полета. А это что за река, изогнулась дугой?

– Не узнали? Енисей это. Его просто повернули на юг, в азиатские степи. Вы так сильно были заняты в последнее время строительством олимпийских, да и, – хихикает, – не только олимпийских, объектов, что поворот реки, естественно, выпал из поля вашего зрения.

– Снова Пахомов?

– Нет, речки скупает Вассерберг.

– Действительно, увлекся я олимпийскими объектами, поворот такой широкой реки не заметил. Ничего не знаю и о той, вон, – бросает взгляд за иллюминатор, – прямой автомагистрали, когда-то на «Калине» в здешних местах путешествовал.

– Это сюрприз для вас, господин президент, от Птибурдукова – в качестве благодарности.

– Столько наворовал? Непостижимо, в казне меньше денег.

– Если его любовница нажила непосильным трудом чемодан бриллиантов, то он – на бронетранспортере их не увезет.

– Логично, но с твоим мнением я не согласен. Есть все-таки польза от моих решений. Была бы разве проложена эта автомагистраль, посади мы Птибурукова? Надо внимательнее посмотреть на таежную ширь, нет ли в ней других приятных сюрпризов.

– Есть, господин президент, как вы и хотели, вся Сибирь в сетях труб.

– А кого называют в народе главным пауком?

– Никто на первенство не претендует.

– Интересно, почему?

– Народ запутали в сетях, и всякое может случиться, да и знают, с кем придется тягаться.

– Смотри, советник, министров не видно, отстали?

– Если так, к лучшему. Все равно, есть ли они, нет ли их... Но от министров никуда не денешься, даже заправляются в воздухе.

– Ты имеешь в виду самолеты?

– И самолеты тоже, господин президент.

– Невероятно, всего пятнадцать лет руковожу страной, а как изменилась карта Сибири.

– Все по законам физики: прибавляется в одном месте, в другом убавляется.

– Опять ты о Сочи намекаешь? Но не на Чукотке же строить стадионы, дворцы?

– А как бы рейтинг повысился, и я бы вместе с вами на пенсию ушел.

– Заладил: бы, бы... Тебе только тридцать исполнилось.

– Если будут дворцы на Чукотке, это осуществимо.

– Я подумаю, затраты невелики, можно еще разок на Птибурдукова наехать: теплое течение к Чукотке пригонит.

– Господин президент, а птички так и будут летать за вами вместо того, чтобы хотя бы яйца нести.

– Яйца-то они всегда с собой носят, а мне нужны их мозги.

– Извините, господин президент, с этим, как в сказке: найди то, не зная что.

– Преимуществ не видишь, иначе один из них сидел бы здесь в салоне, высказываясь о произошедших переменах за Уралом. Кстати, почему я не видел Уральских гор?

– Из них Демидов успел выбрать все полезные ископаемые, и они усели.

– Кто такой Демидов?

– Он, господин президент, с мозгами, изменил фамилию, чтобы не порочить вас. Он вашей троюродной тетушки брат.

– Не помню. А горы все-таки жалко, хотел там покататься на лыжах.

Картина четвертая

Вот уже год лечу хандру на необитаемом острове, но Робинзоном себя не почувствовал. Связи с миром никакой, Пятница появится лишь сегодня, сам так распорядился. Говорю с попугаем, который называет меня дураком, возможно, он и прав: на роль Пятницы больше бы подошла ведущая программы Ио-го-го с соответствующей фамилией Кобылицина – Кобылова.

И подчиненные отчудили, козла на остров привезли вместо козы, хотя на зоне можно было прочесть роман Даниеля Дефо. За год козел напустил целое облако метана, которое застыло над островом. А если гроза? Подождите с ложками, еще просо не сеяли, кажется, ангел сидит на этом облаке.

– Молись, – кричит мне архангел сверху, – произошло землетрясение, идет цунами, высота волны – сандалии мои достанет. А у тебя столько грехов, что Адам, вкусивший запретное яблоко, просто агнец.

Поблелел я: воровал, воровал, и все собаке под хвост. Вернее, Верке. Вертихвостка еще та. В зоне мужиком прикидывалась, и никто из зеков ее за пять лет не выдал, даже стукачи.

– Кириллушка, помоги, – обращаюсь к нему, все до копеечки отдам, оставь только этот остров, и в придачу Верку, сам знаешь, как тяжело без бабы.

– Я не Кирилл, а Гавриил, но разницы нет, не будет тебе прощения, волна уже идет, поднимусь-ка я на сажень повыше: святой – не святой, а кто его знает.

– А если я прямо здесь, на острове, построю церковь и буду до конца жизни замаливать грехи?

– Обоняю, как ты добавил метана в облако, ладно, подскажу, есть один выход. К острову подплывает Пятница, лодка может двигаться и под водой, но одноместная. Договаривайтесь, он твой киллер, замена почти равноценная.

Не стало ни облака, ни Гавриила, и только Пятница растягивает в улыбке губы:

– Все сделал, шеф, как вы приказывали. Приплыл один, взял только гармошку, губную. Не могу без нее, особенно после работы: подойду к трупику, жалко, живым, однако, был. Часами потом играю на гармошке, забывая все на свете.

– Вижу, мозоли на губах. Всех замочил? – спрашиваю.

– Всех, – отвечает.

– Напрасно, – говорю, – через десять минут остров накроет цунами, и надо решить, кому из нас спастись: Боливар не вынесет двоих.

Пятница засмеялся:

– В шутку так называли лодку, а попали не в бровь, а в глаз – одного лишь может взять она под воду. Будем тащить спички.

– Обманешь, тот еще шулер, – не соглашаюсь.

– Не драться же с тобой киллеру, – снова смеется.

Действительно, как клопа раздавит. И, вдруг, меня осенило: он же все забывает, когда играет на гармошке. Говорю ему:

– Сыграй-ка, Пятница, что-нибудь душевное, уважь напоследок, на острове останусь я, афера с ним моя, мне и отвечать.

– С превеликим удовольствием, шеф, – обрадовался Пятница и заиграл. Все больше завлакивались его глаза, все больше туманилось сознание. Я быстро сел в лодку, отплыл, приготовился к погружению. Вдруг, вижу около Пятницы Гавриила и слышу громкое:

– Ты не только вор, но обманщик и лгун, готовый ради спасения своей гнилой душонки подставить любого. Твой Боливар давно разгерметизировался, так что давай, погружайся.

И я завыл волком:

– Ворюга я подлый, родную мать за копейку продам, нищего ограблю, с бедного последнюю рубашку сниму. Одним словом, олигарх... Простите, если можете, и спасите. Останусь на острове с попугаем, пусть называет меня дураком...

И проснулся я, весь в поту, вокруг стояли испуганные домочадцы, над которыми возвышался строгий лик Гавриила.

Картина пятая

Морской звездой устанавливаются машины, из них выходят пятеро, подумаешь клоны – бритоголовые, накачанные, с угрюмыми взглядами.

– Совсем одурел Елисеич, где я ему найду в Туве шаманку с голубыми глазами, – пьет из бутылки водку парень, готовый, кажется, расплакаться.

– А ты, Пузырь, сам переоденься в ритуальный костюм, шеф никогда культовых служений не видел, молений духам не слышал, не различит, – заржал рядом стоящий.

– Прав, Дивиденд, бубен ты привез, а пену изо рта пускать умеешь, не раз надувал охранников, – поддержал третий парень.

– Не остри, Пупок, действительно не все в порядке стало с головой у шефа, после того как он воткнулся в снег на Красной горке. Вот ты гоняешься за призраками и привидениями в развалившемся замке. Догнал? То-то. И меня недавно шеф наказал. Ты, говорит, Безбородый, засиделся без настоящего дела, поэтому в лунные ночи подежурь на погосте. Там по слухам раздаются непонятные звуки. Возможно, мертвецы создали ансамбль. Если так, попроси их выступить на моем юбилее. Утром нос всем.

– Дуреют, когда карманы набиты бабками, – съязвил самый угрюмый клон.

– Еще один озадаченный. Ты, Палач, наверное, как горькая редька надоел православным, шастая по монастырям и скитам в поисках берестяной грамоты, которой нет. Попроси Художника нашего, он тебе любую грамоту сварганит, не графом Елисеича, как он хочет, а князем сделает. Ни одного нарисованного Художником доллара фальшивым не признали.

– С грамотой легче, вот как я найду ему голубую шаманку? – вздохнул Пузырь.

– Эх, горемыка, голубую, конечно, не найдешь, как ни старайся, но бомжиху с голубыми глазами из актерской среды найдешь. Она наговорит ему все, что надо, и с пользой для нас.

– А не раскусит ее Елисеич, Дивиденд?

– С его головой? Нет. А раздеть может, так что подбирай актрису помоложе.

– Разводишь всех, Дивиденд, а мне, верняк, труба. Где привидения? В воображении только, – посетовал Пупок.

– Составь логическую цепочку. Шеф врет? Врет. И ты наври ему, скажи, что уже встретился с привидением, представь видео, это мы устроим.

– А дальше?

– И дальше вешай лапшу, де, хочет оно поговорить с ним лично в полночь, но пусть придет один и накинет на плечи простыню. От одной этой мысли он наложит в штаны, боится частенько из броневика вылезти.

– При таком раскладе Елисеич действительно о привидениях забудет, мне труднее, не знаю, что делать с кладбищенским оркестром, – пожаловался Безбородый.

– Как вижу, ты не только без бороды. Можешь сказать, что это просто слухи, и при сильном ветре издают звуки венки на могилах. Можешь запустить страшилку: есть оркестр на кладбище, но не мобильный, мертвецы не могут прийти на юбилей к Елисеичу, учитывая их физическое состояние. Или так: все придут к нему, а их сотни тысяч.

– Как просто, а я два месяца прячусь в склепе, который шеф построил себе, на всякий случай, если не похоронят на Мемориале, где он купил себе место. В последнее время мне стало казаться, что мертвецы действительно поют.

– Да, и в смерти повезет Елисеичу, весело ему будет лежать, – вздохнул Пупок.

– Хоть и скажем ему об этом, премию все равно не даст, – сказал Безбородый.

– Что поделать, если наступило время перевора, – добавил Палач.

– Тонко подмечено, не стал бы перевор новой эрой, – подвел разговор Дивиденд.

На полярной станции

Сцена №1

Самолет летит над ледовитым океаном. Первый пилот второму:

– Мы все взяли для полярников? Штурман в последнее время часто забывает свое имя.

– Да, и я не помню.

– Мария, однако. Ей бы мужичка, но раньше надо сходить к косметологу. Иногда подойдет незаметно сзади, обернешься, кровь стынет, сразу вспоминаешь избушку на курьих ножках.

– Не переборщай, носы у них совершенно разные, у нашего штурмана, как у многих, сапогом.

– На этот раз, кажется, ничего не забыли, а продукты самые калорийные.

– Баб-то не забыли? Особенно просили: старые износились.

– В заявке их не было.

– Да, и не должно быть, это личная просьба полярников. Чем им еще заниматься на дрейфующих льдинах, когда едят, как на убой.

– Подозреваю, командир, что это дело рук Марии. Ревнует, вероятно.

– Заревнуешь. Последние модели живее всех живых. Сам убедился, когда жена была в длительной командировке. Успел спрятать гирлу под кровать.

– Кого, жену?

– Другую, куклу.

– А если найдет?

– Жена не заглядывает под кровать, полы я всегда мою.

– Не побьют нас полярники, командир? Один, говорят, так озверел, что с медведицей подружился.

– Не побьют. Есть идея. Подсыплем в кофе штурмана снотворного, порций пять. Уснет, скажем, искусственная гирл, новейшей модели, обеспечит всех.

– Она же будет дышать?

– В этом и отличие последней модели.

– Будет клево. Мария мечтала пожить с полярниками на льдине.

– Вот и осуществим мечту старой девы, – засмеялся первый пилот.

Сцена №2

– Ну, вот, друзья, самолет разгружен, пора прощаться, – говорит первый пилот.

– А как же наша личная просьба? – спрашивает старший метеоролог.

– Вот, смотри, – открывает крышку большой коробки второй пилот.

– Как живая! Даже нос курносенький. А можно ее поцеловать? – спрашивает младший метеоролог.

– Для этого и привезли, – дает согласие первый пилот.

Метеоролог целует Марию, она открывает глаза и просит:

– Еще, милый.

Метеоролог удивляется:

– Вот это модель, остаюсь на станции еще на два года, такой сервис.

– Она иногда встает и говорит, вы не удивляйтесь: это новое достижение науки и техники.

Может даже возражать, но тем интереснее общаться с ней. Кстати, зовут ее не Зина, а Мария.

– Нет, – не соглашается младший метеоролог, – Маша, Машенька.

Кажется, вы хотели улетать, ветер поднимается, в добрый путь.

– Окей, еще совет: не грубите Маше, она может обижаться, а на ласки отвечает соответственно.

Пилоты садятся в самолет и улетают. Полярники уносят радостную Марию в спальный вагончик.

Надоело

- Сад, цветы, благоухание: рай есть рай. Встречаются двое.
- Еврипид, что с тобой, глаза излучают свет, снова следил за Герой?
 - Из ада мой вояж.
 - Что? Молвят, оттуда нас выталкивает божественная сила.
 - Мозги нам пудрят, Софокл. Все не так. Недавно в раю появился русский, он выгнал из яблок, которые боятся у нас даже надкусить, нектар и угостил меня. Вот это действительно божественный напиток.
 - Нектар?
 - С последующим действием. Набил я в тунику камней и прыгнул вниз, так посоветовал русский.
 - А противодействующая сила?
 - Нет ее. Выталкивают нас из ада, как я понял, горячие пары из котлов, в которых варятся грешники. Выбросишь камни, и снова в рай, пользуйся всеми его благами, кроме одного.
 - Что это еще за благо?
 - Засматриваешься на женский пол?
 - Иногда, если.
 - Не привирай, и сейчас глаза на Пенелопу пялишь, а обнять ее не можешь.
 - Тише ты, хочешь, чтобы нас как Адама с Евой изгнали?
 - Если с Евой, я согласен. Не гулять же вечно одному в садочке.
 - Еврипидушка, расскажи подробнее, как там, в аду, грешат?
 - Естественно, даже Сатана. Вижу, сгораешь от любопытства. Если сам все хочешь испытать, попробуй яблочного нектара. Ощущения специфические.
 - К русскому боюсь подойти, смотрит с превосходством, как будто знает тайну Вселенной.
 - Он знал ее еще в своих ледяных землях. А как с чертями дерется? Рога им откручивает. Осушит амфору и... Ладно, слушай, расскажу тебе о своих одиссеях.
 - Опустился я в ад плавно, Софокл, в зону кипящих котлов.
 - Полундра, – закричали черти, еще один русский, – и прячутся друг за друга.
 - Ошибаетесь, граждане, – говорю, – я наоборот, грек и пришел к вам с добрыми пожеланиями, чтобы не сбивались ваши копытца, чтобы, как выражается наш русский друг, елось и пилося, и хотелось и могло.
 - А нектара принес? – сразу спросил однорогий черт, видимо сходил в поединке с Афанасием.
 - Только пол-амфоры, сам употребил перед прыжком в Преисподнюю.
 - И мы уважим тебя. Видишь сколько белых и черных, выражусь по-вашему, мягких частей тела торчат из емкостей. Кипят, а все равно мысли об этом. Представь, что они творили там, на поверхности Земли.
 - А если деву целиком, как бы в кредит, обещаю, в следующий раз полную амфору нектара принесу.
 - Первача?
 - Я не знаю, что это такое.
 - О-о-о! Русский говорит, до рта не донесешь, с ног валит. Орел. Так ему тут одна синеглазка понравилась, сам к ней в котел запрыгивает. У вас в раю нет таких баб, всех к нам определяют, поэтому поверим тебе. Вытаскивай любую, но чтобы амфора была полной.
 - Я и вытянул, Софокл. Что она вытворяла? Бывают же такие горячие девы. Да еще из кипятка.

- Состыкуй меня с русским, Еврипид, тоже хочу ощутить доселе неосязаемое.
- Момент как раз подходящий. Русский порвал в драке с чертями сандалии, подари ему свои, две амфоры за них получишь, а тогда прыгай в ад без камней, веса хватит.
- А трех дев мне не дадут за них?
- С одной справься. Не забывай земную мудрость: видит око, да зуб неймет.
- Веками воздерживался.
- А если атрофировался? Еве далеко до прадочерей.
- Я новые сандалии русскому подарю, Еврипид, позолоченные, чтобы на три амфоры потянуло.
- Боюсь, Софокл, тогда не вернешься ты. Выбирай дев с Севера, не успевших достаточно прогреться.
- Нет, я, как русский, синеглазых буду выбирать.
- Сам за ними в котел сиганешь.
- Ты же не сиганул.
- Зато первым пустил луч света в темном царстве.
- А русский?
- Русский в аду стал своим. И я подозреваю, что вместо камней он набивает тунику яблоками.
- Зачем?
- Рано, видимо, тебе, Софокл, в ад. Русский планирует варить нектар в самой Преисподней, емкости там есть, дров полно, посему тебе надобно поспешать.
- Понял, Еврипид, бегу за сандалиями.

Лукреция

Обходился он без спичек, зажигали костры молнии, бьющие на острове непрерывно, лишь столкнутся пара – тройка туч. Этот заросший растительностью клочок земли в океане и островом-то назвать трудно – за полчаса его обежал по окружности. Не только бананы и апельсины, ел ананасы, которые очень любил, так что голода не чувствовал.

За скалой бил родник. К нему подлетали попить пресной водицы стаи самых разных птиц. Были и гуси, облюбовавшие песочек рядом с источником – протяни из зарослей руки и хватай краснолапых. Еды много, но тяжело одному. Еще этот кузнец бьет молотом по раскаленному железу, от которого летят искры, того и гляди попадут в тебя. Грозовая зона. Попав в нее, яхта вспыхнула как спичка, и он спасся, вероятно, один. Жаль Лукрецию. Загорела до черноты, и солнечным днем сияли голубые глаза. Ее бы сюда, чтобы скрасить тревожные дни ожидания возможного спасения. Но, увы, один, как перст. И он, зная, что напрасно, снова кричал в море:

– Лукреция, Лукреция!

Кричал с каждым новым прожитым днем все настойчивее:

– Лукреция!

И однажды, в это мне, например, поверить очень трудно, услышал:

– Да, я Лукреция, чего ты хочешь, юноша?

Он увидел девушку, стоящую по пояс в море, с ее волос стекали струйки воды. Но это была другая Лукреция, с черными глазами на красивом без загара лице.

– Девушка, ваша яхта тоже потонула? Как хорошо, что вы спаслись.

– Я плаваю без яхты, так как море моя стихия.

– Вы профессиональный пловец?

– Можно сказать и так.

– Значит, материк недалеко, и спасение близко. Как я рад вашему появлению.

– Умерьте свой пыл, юноша, ситуация совсем не радужная. Я обитаю в водной стихии, а до вашего желанного берега и на большой волне быстро не доскачешь.

– Ты русалка?

– Можно сказать и так, хотя мы называем себя в переводе на ваш многосложный язык хвостатыми соблазнительницами, звучит так: ояя.

– Кого же вы соблазняете?

– Всех, кто этого хочет.

– А вы действительно девы, а не рыбы?

– Где ты видел говорящих рыб, – перешла она на ты.

– Пожалуйста, покажи все тело, мы не всегда верим глазам, надо потрогать.

– Этот постулат мне нравится, – смеется русалка.

– Совращаешь?

– Таково призвание.

– Ты дева.

– А ты, как кит.

– Я буду звать тебя, моя Среда.

– Зови меня лучше Суббота. Этот день для вас более желанный.

Русалка уплыла, и вновь его сковало одиночество. Вернется ли? Волны бежали одна за другой, но не было на них русалочки. От тоски даже любимые ананасы казались горькими. Не пугали удары молний, громоотводом было новое зарождающееся чувство. Любовь? Но соблазнительница – полурыба. Почему же он ждет ее желаннее спасительного паруса, кора-

бельного гудка. Ждуший да дождется. Приплыла русалка, но не Среда. Такая же черноглазая, за словом в карман не лезет, тем более кармана нет. Еще и картавит.

– Вы из Франции, мадам? – спросил он.

– Какой вы догадливый.

– Прононс ваш подсказывает.

– Сестра говорила, что вы удивительный и неповторимый. Обнимаете не только руками.

– Мне Среда нравится.

– Вы, люди, еще не перестали любить. Мы предпочитаем сексуальные отношения. Так проще, вильнул хвостом, и в разные стороны.

– У нас тоже так делают, но о любви тоскуют все, настоящей. Пока еще, – опустил он на камень.

– Так в чем же дело. Буду вашей Субботой. Вы же так хотели назвать мою сестру?

– Она хотела. Ну, что же? Как говорят стратеги, надо действовать по обстановке. Сколько в вашей семье сестер?

– Семеро.

– И в неделе семь дней, – усмехнулся он.

Куда, Василий?

Тещи, тещи, сколько о них слышим высказываний, достойных книги рекордов Гиннеса. И в ста томах не уместятся анекдоты, посвященные им. Но Серафима Ильинична их за пояс заткнет.

Вспомните выражение «плешь проела» и возведите его в десятую степень, тогда приблизительно представите образ моей тещи.

Как я мог жениться на ее дочери? Двухметровый хомяк – копия моей Вероники, хотя в детстве звали ее Верой. Зачем она поехала с нами на полярную станцию, у белых медведей тоже вниманием не пользовалась. Убегал от нее даже ищущий себе подружку самец. А я вот не смог: нога была в гипсе, вывихнул ее, поскользнувшись. Да, и сам не очень виден. Помните снежную бабу во дворе? Вылитый, если надеть на голову ведро. Нос с детства больше, чем у Гоголя. Ноги? Лыж не надо. О походе не говорю. Сами видели. Это передвижение скольльзящим способом: дало знать долгое пребывание на льдине.

Увидев меня, Серафима Ильинична сразу расцветает:

– Тебе бы в Антарктиду, к пингвинам, такой же легкий на ногу.

На подобные насмешки я отвечал:

– Ваша дочка тоже не красавица, мама.

Надену шапку, она сразу:

– Куда едешь?

Говорю:

– У меня машины нет, а велосипед продал, вам же покупали памперсы после того как жидко стало вашему стулу.

Она уточняет:

– На своих полозьях.

Не поверите, в день моего рождения подарила мне лыжные палки. Правильно, без лыж. Я промолчал. Потом сделал из них инвалидные клюшки. Побелело лицо тещи, когда я пояснил, что это для нее: старше, однако.

А вчера на даче были, сажали лук. В одной руке я держал ведро с водой, в другой – семена лука. Серафима Ильинична с елеиным выражением на лице говорит:

– Делай лунки, Буратинчик.

И я стал их делать, носом. Земля в грядке была рыхлой, сильно кожу не ободрал.

Теща заулыбалась от умиления:

– Уважил, ох, уважил, и с вожделием смотрит на меня. Дурные мысли в ее голову часто приходят, и я испугался по-настоящему.

Муж от Серафимы Ильиничны сбежал, когда еще Вероника была Верой. Куда? А вы спросите у нее. Я-то знаю, что Лена – сибирская река. А она уперлась: баба это, еще Зиной назовите.

Когда обедаем, испытываю особые муки. Серафима Ильинична совершенно не разжевывает пищу, а сразу глотает ее. А я, наоборот, только и двигаю челюстями. Она сразу:

– Включил зуборезку?

Не выдержал я:

– А вы, Серафима Ильинична, не скажу, что жадные, но не желаете вставить себе зубы: из экономии. Даже редьку через мясорубку пропускаете.

– А ты подумай, если есть чем, сколько стоит нож мясорубки и сколько челюсть, даже две челюсти.

Я с детства прыгаю с парашютом, поэтому и взяли на полярную станцию. Приходилось опускаться на плавающие льдины. Бывало, и промазывал, и стропы зубами перекусывал....

Когда вдвое прибавили плату за воду, Серафима Ильинична предложила мне делать прыжки в трусах. Туч, объяснила, много, есть и дождевые. Заодно и помоюсь. Достала. Решил я вообще не раскрывать парашюта, иначе как избавлюсь от нее. Не поверите, настроение поднялось, впервые песенку запел: «А нам все равно, а нам все равно...» Лучше бы не пел, чем вызвал подозрение.

Выпрыгнул из стратосферы, чтобы наверняка. Пронеслись кучевые, перистые облака, быстро приближалась земля, а значит, и кончина, без немощей, без болезней.

Но, вдруг, слышу:

– Ну-ка, носастенький, дергай за кольцо, куда это ты собрался?

Теща, боже мой. Забыл, что Серафима Ильинична работала в областном аэроклубе.

– Да, никуда, просто это затяжной прыжок.

– Ну, ну, – вижу, не разжимает она пальцы, крепко держит за ремень. Впервые я почувствовал осязаемое уважение к теще.

Объявил голодовку

- Давай, поднимайся, рабочий народ, вставай на борьбу, люд голодный.
- В комнате никого не было, поэтому Василий спросил:
- Голос слышу, а тебя не вижу, ты кто? Невидимка? Меня теперь ничем не удивишь: свет обгоняем, в виртуальный мир заглядываем.
- Ветер я, и не по улице гонялся, где много пыли, увидел бы, а ветряки крутил, паруса надувал, теперь полежать хочется.
- Не хвались, иногда часами воешь в трубу, не даешь спать.
- И вы, люди, не из плюсов сложены. Вот ты, лежишь сутками напролет без дела.
- Я объявил голодовку.
- Слышал, слышал, все сороки трещат об этом, а чего ты добился? Только туалеты чище стали.
- Хочу, чтобы была справедливость – во всём.
- Права пословица: кто не работает, тот не ест.
- Не ест? Везде он летает! Посмотри на Симфероповичей, толще бегемотов, младших на руках до машины доносят. А ворует один старший Симферопович.
- Зависть тебя съедает. Ты для бомжа тоже богач: и квартира есть, и спишь не на полу.
- Представь, он объявит голодовку. Что смеешься?
- Как он может ее объявить, если все время голодает.
- Не умничай, давай поднимайся, теперь я прикорну на мягкой перине.
- Сказал же, не встану.
- Слушай, оппозиционер, а на что ты живешь? Смотрю, мебель у тебя новая.
- У меня дед воевал, две пенсии получает, а ест только кашу, диабетик он.
- Отстегивает?
- А куда ему деваться: и ногу, и руку.
- Я о деньгах.
- На просо, ветер, много денег не уходит.
- На просо?
- Дед из него кашу варит, чтобы без добавок была. В кашу, говорит, много мела добавляют. Хочет до ста дожить.
- Тебе бы до тридцати дотянуть, уже сейчас воняешь.
- С чего бы, месяц ни одной крошки не пробовал.
- Крошки, возможно, и не пробовал, а мыться надо.
- Кто бы учил. Тебя вообще нет, когда не двигаешься, а вони приносишь и сам со двора немало.
- Не огрызайся, угостил бы, новости расскажу, не из ящика.
- Могу распылить в комнате одеколон, тройной, и сам подышу с тобой.
- Через минуту почувствовалось дуновение воздуха:
- Хорошо стало, а распылил ты одеколон только на два пальца. Знаешь, где я до тебя был? В квартире у соседки. Семь туркменов она прячет для своих утех. Подумал сначала, инопланетяне – изможденные, с большими глазами, по тибетейкам догадался.
- А миллиардерша Звонова с чертом встречается, как вцепится в рога.
- Это, ветер, наверное, робот в образе черта. Звонова себе кавалеров заказывает в институте кибернетики.
- Он вопит, пощады просит?
- Так, в институте же заказывает, чтобы естественным был.
- Согласен. А вот ты, с кем общаешься?

– К сожалению, ни с кем. Была одна, да друг увел, нарушив все принципы дружбы, – вздохнул Василий.

– Что же ты голодовку не объявил? Испугал бы их пустой кишкотарой. Давай-ка распыли еще одеколончика, к Вере Гавриловне захотелось. Я ее обдуваю после душа. Соприкосновения тоже приятны.

– Правильно, неплохо бы к ней вместе заглянуть, со школы знакомы.

– Это другое дело, мужиком становишься.

Василий приподнялся:

– Как славно, ветерок, что ты ко мне залетел в форточку, прекращу я голодовку: на фига козе баян. У меня еще есть флакон тройного одеколona. Понимаешь, тройного. А нас двое. Куда нам надо? Правильно, к Вере Гавриловне, Веруньке, она обрадуется. Дойти бы только.

– Не бойся, поддержу, подтолкну.

Представь, Зин

- Зин, представь, умрем, и все, превратимся ни во что: не пукнешь даже.
- Вот и ставят люди памятники, Коль, чтобы напоминать о себе.
- Кому напоминать? Поставили мы памятник теще, смотрит пустыми глазами на тебя, не моргнет. А живая что вытворяла? Не знаешь до сих пор от кого ты родилась, то ли от Егора, то ли от солдата, их каждый год на уборке хлеба скока было.
- По паспорту, от Егора.
- У Егора глаза желтые, совиные, так и рыщат ими. А у тебя бесцветные, без зрачков, кажется, их и нет вовсе. Особенно когда закатываешь в постели.
- Прямо и закатываю, если притворюсь: лицо у тебя делается с выражением коня.
- Меня с конем девчата всегда сравнивали.
- А Мария, твоя первая случница, с меринком сравнивала.
- Она городская, и ты коня от мерина едва ли отличишь.
- По лицу, да...
- С философской точки зрения мы с тобой, Зин, одно целое. Ты моя половина.
- Хочешь сказать, и я лошадь.
- Круп у тебя, да, как это выразиться по-ученому, адекватный. Помню, на свадьбе вы с тещей ими мерялись, если бы поменялись, наверно, я бы только и угадал.
- А как бы ты угадал?
- У тебя, что напоминает родинка на левой ягодице?
- На левой? Сквороду.
- Вот видишь, а у тещи чайник.
- И, правда, Коль. А что нам делать с отбитым носом у мамы?
- Памятник не есть мама, Зин. А с носом ничего не будем делать.
- Почему, Коль?
- Припомни, как она выглядела от рождения? Дважды ей вытягивали нос и трижды наставляли. Теперь он полностью соответствует первородному.
- А ты умный у меня, Коль, какие хорошие табуретки сам сделал: не надо их приставлять друг к другу, когда сажусь вязать тебе ночной колпак.
- Зачем мне ночной колпак, Зин?
- Сам говорил, ноги мерзнут.
- Не голова же.
- Так ты на голову одеяло натягиваешь, и ноги оголяются.
- А на кого я буду похож?
- Господи, я и не подумала: мерин в колпаке, действительно, заржу.
- Вот и носи сама колпак, через твою гриву кожу тоже видно. Кстати, сколько ты волосянок пересадила на макушку?
- Тысяч десять.
- Нет, Зин, не от Егора ты. У Егора волосы только на лбу не растут. Когда орангутанг в зоопарке умер, он его целый год замещал. Помнишь, был заголовок в газете: «Говорящая обезьяна»?
- Так папка двух слов связать не может, чаще головой кивает.
- Это и сбило с толку корреспондентов. Зато сколько денег Егор заработал. Тебе шубу прислал, хоть и подванивает.
- Чай, сам шкуры пойманных кошек выделывал.
- А лапы он в магазине купил.

– Малы мне оказались, а мамка, надев их, детишек перепугала. Испачкалась в тине: пруд-то мелкий. Вот они и подумали, что вылезает из него огромная лягушка.

– Опять мы от философского течения мысли отделились. Когда живешь, что только не отчубучишь. Представь, Зин, ты в гробу, тебе не надо ни яичницы по утрам на сала, ни сала с яичницей по вечерам. Что ты оставишь после себя? Труп.

– А если народный писатель какой?

– Народных на пальцах пересчитаешь. Вот поставят тебе огромный до небес памятник, все равно он будет просто камень. Вот в чем смысл. Так и статуя теще: с оторванным носом она стоит или без оторванного, кому до этого есть дело.

– Коль, а ты еще и мудрый у меня, лоб, как у Ленина.

– За величину лба, Зин, памятники не ставят. Был бы я выше идолов на острове Пасхи.

– Почему?

– Они же на туловищах стоят.

– Хорошо, Коль, у меня лба не увидишь, в нос пошла.

– Я и говорю, подозрительно: у отца твоего вообще не нос, а прохуdivшийся валенок.

– Коль, а можно тебя попросить?

– Как будто ты вчера ничего не просила.

– Когда я умру, укороти мне нос.

– На трупе?

– На памятнике, чтобы не звали носатой.

Интеллект-механизмы

– Вам не кажется, друзья, что мы делаемся похожими на людей? – моргнул красными глазами робот атлет, обращаясь к таким же интеллект-механизмам.

– Не во всем, – ответил похожий на Пушкина киборг. – Количество израсходованной нами нервной энергии определяется цветом глаз. Вот ты, вчера был голубоглазым. В чем дело?

– Хозяйка под домашним арестом, кавалеров к ней не пускают, поэтому и покраснели.

– Всеми орудиями пользовался?

– Если бы. Самые эффективные конфисковали, чтобы ужесточить условия пребывания под арестом.

– А у меня глаза белые, угадайте, почему? – спросил высокий худощавый робот.

Кто-то засмеялся:

– Кипятком окатили?

– За Ивана Ильича на работу хожу, а он спит до обеда. Заказал себе двойника и забавляется. Его предок, говорит, на печи сидел, не блистал умом, а царевичем стал.

– И меня так запрограммировали: за своего хозяина диссертации и научные труды пишу, преподаю в четырех институтах, прадоchерей Пенелопы для него вычислил, а сделать такое в современном обществе, сами знаете, почти невозможно, но глаза не белеют, наоборот, темными становятся, – перебил маленький машино-человек.

– Ты, Чип, трудишься в спокойной обстановке, если имеешь дело, то только с компьютером, а я – с ядами и без противояда.

– Химреактивы глаза выели? – снова засмеялся кто-то.

– Не смеяться, плакать надо, – ответил двойник Пушкина.

– Как ни пыжься, не вспотеешь, как ни печалься, не заплачешь, – заметил философски атлет. – Действительно, переживания определяют цвет наших глаз, и не случай но, видимо, прячет взгляд Соломон Абрамович.

– Соломон Абрамович отсидел две пятилетки за своего шефа, лес рубил, лично дюжину заросших сопок в гигантских ежах превратил. Глаза у него потрескались от мороза: веки застывали и не закрывались, – сказал Чип.

– Все на зоне знали, что я двойник, но только посмеивались. Миллиардер построил в тайге для охранников дом свиданий, куда отправил дюжину клонов самых красивых Маш и Зин. А кто сидел, какая им разница. Есть номер, значит, порядок, – ответил грустно Соломон Абрамович.

Молодой робот, недавно вышедший из института кибернетики, предложил:

– Давайте спросим одну из Зин, приехавшую на реконструкцию, рот у нее на бок скривился: не обижали ее в Сибири, каково ей было там?

– Правильно, юноша, Зин, ну-ка, иди сюда и расскажи о своих впечатлениях.

– А что рассказывать, Чип, с балкона чаще лес видела, все время в номере.

– Ничего интересного, запоминающегося?

– Разве медведь когда залез?

– Ну-ка, ну-ка!

– Я только поняла, что медведицу у него давно убили.

– И ты не кричала?

– Нет.

– Это доказательство того, что мы в человека еще не превратились, как бы кому ни хотелось. Но все же, почему твой рот на бок съехал?

– Увидел бы, Чип, нашего прапорщика: не уйдет, пока во всех номерах не побывает.

– Права Зина, – поднялась сидевшая в стороне женщина-робот, – когда я гуляла по тайге, снежного человека встретила. Обходительнее прапорщика, и уши не откручивает.

– О мелочах печетесь, коллеги, – к беседующим подошел робот с улыбкой Гагарина. – Я три раза побывал на Марсе, купался в газовых гейзерах Юпитера, летал на метеорите, и даже пытался оторвать у кометы хвост, а звание Героев за эти подвиги получали другие люди, иногда далекие от космонавтики. Скажу вам по секрету, на Венере я почувствовал, как раскалились подошвы космических ботинок, и, не поверите, выступил под мышками пот. О чем это говорит? Мы становимся людьми. Вопрос в том, плохо это или хорошо.

– Тогда и я открою правду, – перебила его женщина-робот. – Мечтаю встретить снежного человека еще раз, преобразилась я вся.

– И Зина, убежден, не случайно, губы накрасила, что еще раз доказывает, что мы не только мыслим, но и начинаем чувствовать. Теперь зададимся вопросом, кто в скором времени будет хозяином на Земле: мы, почти бессмертные, или напичканные болезнями люди?

– Тише, Атлет, услышат. Будем теперь думать о том, как правильно скорректировать программу, – сказал Чип.

Веуэлла

– Какая Земля красивая из космоса, Гор, и не подумаешь, что там за голубой оболочкой таятся всевозможные пороки – ложь, предательство, а отношения людей, иногда, как в стае.

– Переборщаешь, Ник. вспомни о чести, о любви.

– Любовь я бы охарактеризовал как настойчиво-безумное стремление к сношению. Римские оргии забавами теперь кажутся. У меня друг актер в 226 фильмах снялся, столько было и жен. С пеной у рта доказывает, что всех сильно любил. Нет, я покидаю Землю с радостью.

– Что молчишь, Венера, согласна ты с Ником, или у тебя, как всегда, особое мнение?

– Дух, материя и естество – разные философские категории, Гор, как биолог ты должен это знать. Я давно доказываю, чем выше в развитии цивилизация, тем ближе общество к первобытным отношениям. Доказательством считаю наступающую эпоху матриархата. Моя соседка по даче Эльвира Муратовна Исмухамбетова президент консалтинговой компании, и у нее семь мужей разной национальности. Между тем, Ник, всех любит, до стальной дрожи.

– Это, Венера, похоть, не любовь, – сказал Ник.

– А сам-то ты любил?

– Возможно.

– И не было у тебя к любимой никакой похоти?

– Влечение половое, естественно, было.

– Это, Ник, синоним, словосочетание, имеющее тот же смысл, и не прячься за него.

– Я понимаю, ты за свободную любовь и легкомысленные отношения между мужчинами и женщинами.

– Несомненно.

– Теперь до меня дошло, Ник, почему ты был против кандидатуры Венеры при подборе участников полета на Марс, – заметил Гор, – боишься, и там могут установиться порядки землян. Где сейчас Луара и дон Педро? Изучают астероид, летящий с нами параллельным курсом? Скорее всего, воркуют в уединении, забившись в углубление космического тела.

– Вот вам и доказательство, что есть любовь. Представьте, мириады звезд, рядом огромный корабль, за которым сияет голубая Земля. Красота!

– Венера, заблуждаешься, – улыбнулась подруге геофизик Ксения.– Дон Педро и мне несколько раз подмигивал, показывая свою подлинную натуру. Прилетим на Марс, точнее узнаем, чего мы представляем собой на самом деле.

– Действительно, мы возвращаемся к первобытнообщинному строю, если даже на астероиде ищем пещеру, – пошутил Гор, – а если серьезно, впереди нелегкие испытания, не до интимных отношений. Посадим корабль удачно, он будет надежным тылом, а нет, не только пещере, норе обрадуемся.

– Не все так мрачно, командир. Среди нас есть роботы, им не нужны норы, в крайнем случае, они выполняют задание. Хотя кто из нас человек, а кто робот, даже я не знаю.

– Возможно не люди дон Педро с Луарой? Они иногда задерживаются на астероиде дольше, чем позволяют запасы кислорода, – предположила геофизик Ксения.

– И у меня дон Педро вызвал подозрение, я не увидел на нем шлема, когда он целовал в открытом космосе Луару, – подтвердил Ник.

– Ксения Гавриловна, Ник, а вы не вызываете подозрение? Одна довольствуется питательными растворами, как биоробот, другой частенько задерживается у заряжающих устройств. Иногда сам не знаешь, кто ты, настолько сблизился человек и робот, – сказал Гор.– Хорошо Феде, так и пышет солнечной энергией, которую принимает на обшивке корабля.

– Возможно, он киборг последней модели, – предположила Венера.

– Вот-вот. Поэтому есть опасность, что роботы могут установить свои законы, тем более на безжизненной планете.

– Правильно, Гор, – влетел в отсек Федор. – На Марсе жизни нет, и как там существовать, скорее всего, определяют представители искусственного интеллекта. Я так говорю смело потому, что познакомился недавно кое с кем.

– С кем? – спросили космонавты одновременно.

– Говорит, с Сириуса. Они транспортируются в пространстве, перемещаются во времени и останавливают его. Меня увидела случайно, заинтересовалась. А вы думали, я только энергию солнца вбираю. Я много от нее узнал интересного о Марсе.

– Ты это говоришь серьезно? – спросил Гор.

– Зуб отдам, – улыбнулся Федя. – Инопланетянка смак, с фиолетовыми треугольными глазами.

– Что она сказала о Марсе?

– Все, Гор, подтверждается, там выжженная пустыня. Но ее осваивают, добывают какой-то марсий, грамма которого достаточно, чтобы расколоть планету.

– Вероятно, такое и случилось с Марсом, отлетел его кусок и стал нашей Луной, – вырвалось у геофизика Ксении.

– Инопланетянка, кстати, в этом уверена. Она просила не бояться сиурисян, которые на такой стадии развития, что им даже добро ближним не надо делать. Его в избытке у каждого.

– А любовь у них есть или размножаются в пробирках? – спросила Венера, и все сразу засмеялись.

– Непременно, для чего же сиурисянка загорает со мной на обшивке корабля, – ответил Федя.

– Ты вот что, Федор, пригласи инопланетянку к нам сюда, хочу уточнить с ней наши действия на Марсе, поведение, если хотите, не мы там хозяева.

– С удовольствием, Гор. Она уже здесь, проходи, Веуэлла.

В отсек зашла невиданной, неотразимой красоты женщина. Человек, не человек, краше, лучше, обаятельнее. Она, казалось, притягивала к себе.

– Здравствуйте, люди, я сиурисянка. На Марсе мы давно. Вашего прибытия очень ждали, и вот момент настал. Вас встретит не полностью безжизненная планета, будем осваивать ее вместе. – Веуэлла подошла к Федору, прижалась к его плечу, из глаз густо вылетали фиолетовые лучи.

Эликсир бессмертия

Эликсир бессмертия Артур нашел не там, где искал, и напрасно долгое время изучал бактерии охломоноскопуса, которых не брали ни раскаленная лава, ни абсолютный холод. Однажды утром стал видеть микроорганизмы без микроскопа. С его-то близорукостью? Он вспомнил, что разжевал ночью комара, ощутив на языке сладковатый привкус. Должна быть причинно-следственная связь, и догадка пришла: в его комнате было много цветов, но насекомые почему-то сидели на тычинках синего тюльпана. Неужели собранный ими нектар и есть то средство? – холодная дрожь пробежала по телу Артура, он начал ловить комаров. Потребовалось тысячи особей, чтобы набрать несколько капель драгоценной жидкости. Кому предложить ее первому, профессору Валуеву? Бесперспективный человек, гудит за кафедрой, как пустая бочка на ветру. Елене Абрамовне, старшему научному сотруднику? Та все время разглаживает перед студентами штаны Пифагора, давно порвавшиеся, а в микромир чаще смотрит в бинокль, подаренный любовником, который возможно у нее последний – Елене Абрамовне недавно семь десятков минуло, и она никогда не выходила замуж, может быть, из-за чрезмерной величины носа, которую не скрадывали и низко опущенные массивные очки.

Артур улыбнулся, увидев младшего научного сотрудника Однонёбова. Кто мог придумать такую фамилию? Как будто у человека может быть два нёба. Он выпьет вещество бессмертия без раздумий. Только предложи. Оригинал. Доказывает, что главное в жизни быть убежденным, и он обязательно полетит, спрыгнув с крыши, лишь бы соответствовали задуманному его решимость и воля. Шесть раз ломал ноги, но ведь пролетел несколько метров, и это видели сотрудники НИИ. Однонёбов будет скоро защищать сразу докторскую диссертацию. Более ценного научного открытия в НИИ не было с советских времен.

Артур задумался, а если передерутся сотрудники. Каждому захочется первому употребить вещество, дающее возможность вести научную деятельность бесконечно. Он решил рассказать о находке домашним. Как обрадуется теща Анна Даниловна, с детства мечтавшая попасть в пещеру Али-Бабы и его разбойников. А жене Лине, по паспорту Былине, которая полностью соответствует своему имени, вещество даст возможность дописать монографию о духовном родстве Ильи Муромца и Соловья Разбойника. Не будет молиться в стороне и брат тещи иеромонах Никодим, его мечта – стать вторым бессмертным человеком после Иисуса Христа. А если узнает о веществе лежащий на смертном одре дед Данила – пойдет в штыки. Дед – фронтовик, еще не оправился от контузии. Скорее всего, уступят ему очередь близкие, ибо их общая зарплата меньше, чем у него пенсия. Несомненно, деду надо дать эликсир бессмертия, вечной будет кормушка. О детях можно подумать. Пусть чавкают себе на здоровье, милые поросята. Вдруг, Артура обдало жаром, да так, что пот закапал с копчика. У него же под веками линзы, их вставили на днях всем в НИИ, чтобы видели микроорганизмы без бинокля и подняли производительность труда, иначе грозились закрыть научное учреждение. Распределение подал сам генеральный директор Безлобов. Вот тебе, дедушка, и живительный глоток!

На излучине

Степь за Волгой в засушливый год, как лысина старца. Не видно ни животных, ни птиц. Если только колючка пронесется мимо, как оторванное колесо болида. Кажется, сам ветер катит на ней, вытаращив глаза из-под лохматых выгоревших бровей.

Артур шел к Узеню, где рос вяз, ствол которого словно завязали узлом, что придавало дереву, да и всему здешнему побережью, былинной таинственности.

Артур был убежден: это вяз ему нашептывает слова стихов, только успевай записывать. А отойдет за излучину речки, и все: хоть карандаши ломай, ничего не получается. Иногда лезли в голову сумасшедшие мысли, а не переломилось ли здесь пространство? Да и одноногий Кузьмич не раз видел на переломе Узеня неопознанные летающие объекты. Он на каланче сторожит, и является главным средством информации в Баклушах.

Артур сел под деревом, прислонился спиной к шершавому стволу, достал блокнот. И сразу шепот: «...и странной близостью закованный, смотрю за темную вуаль, и вижу берег очарованный и очарованную даль...». Странные слова. Он невольно посмотрел вверх и обомлел: с книжкой в руке на толстом суку сидела девушка:

– Сегодня хотела тебе стихи Блока почитать, но передумала, снова примешь за свои и опубликуешь в районке, как сонеты Шекспира. И ведь никто не догадался.

– Вы кто, барышня? – вымолвил Артур. – Значит я не поэт, и вы не муза, а просто суфлер, извините.

– Ты не узнал меня, Артур? Мы вместе в детсад ходили. Я внучка Кузьмича, Вера Ковылева.

– Когда вы уезжали из деревни, я плакал. Вот и стихи тебе посвящал, но оказалось, они не мои.

– Ты плакал? – переспросила Вера.

– Да, плакал, и печаль никогда не покидала меня.

– Это, Артур, потому, что ты остался жить в степи, вот у этого вяза, без новых впечатлений.

– Я подумал, у меня проснулся талант, что именно здесь, у вяза, пришло ко мне вдохновение. Фарс в том, что пошутила над всем этим моя первая любовь.

– Спасибо, Артур, я польщена, но... сам посуди, другие времена, другие нравы. У меня усадьба у моря, двое детей...

– Уже двое?

– Так, двадцать лет пробежало.

– А стихи ты любишь, или захотелось меня разыграть?

– Я прагматичная, но хорошие стихи люблю, сама пописываю.

Артур провел рукой по стволу вяза:

– Не у каждого в любви вот такой узел, чтобы прочно, навеки, не всем это дано, Вера, так что не печалься, тем более другие времена, другие нравы.

– Калека твой вяз, а не источник вдохновения. Хотя, если ты видишь в разбухшем рубце крепкий узел, не все потеряно, и ты сможешь найти свою музу. Дерзай, Артур, – она слезла с дерева и, сняв туфли, высокая, красивая, пошла по колону в прибрежном ковыле к деревне.

Ни веры, ни надежды, ни любви. Только ветер, вдоволь накатавшись в степи на колючках, качался на ветвях, да выскочивший из норы суслик, оглядевшись, и не обращая на него внимания, побежал к Узеню напиться водицы. Безразлично зевнула усевшаяся рядом ворона. Артур пришел к горькой мысли: если вот сейчас, не станет его, никто и не заметит, даже в Баклушах...

Словно мазанули по лицу светлой краской – расплескивая босыми ногами буруны ковыля, к вязу возвращалась Вера.

– Счастье мое, – Артур взял ее за руки.

– Подожди, Артур. Я Вера, но другая, из параллельного мира. Мы ваше отражение или мы ваше – все равно. Твоя любовь выше всяких законов мироздания, и вот я здесь, преклоненная и любящая тебя.

– А твой Артур?

– Он тобой восхищен и согласился с моим решением. Вы двойники, но внешне, в духовной жизни меньше совпадений.

– Это ваши неопознанные летающие объекты видит Кузьмич с пожарной каланчи?

– Нет, мы с вами на одном уровне развития. Вероятно, это аппараты других, более совершенных цивилизаций, быть может, инопланетных.

– А в вашем параллельном мире есть Баклуши?

– Конечно, Артур, и дерево такое же, как вот это, есть, и речка. Скучать не будешь.

Артур посмотрел на Узень, заросший бородой-камышом, на распухшую коленку вяза, на довольного суслика у норки:

– Нет, милая Вера, пусть останется все, как есть. Без родственных душ в наших мирах ни тебе, ни мне не будет счастья. Видишь ворону? Почему она у ног моих сидит. Своим считает.

– Я все поняла, Артур, но переубедить меня трудно, ты достоин настоящей любви – искренней, бескорыстной.

– Еще раз спасибо тебе, Вера, хотя много в твоих словах преувеличений.

– Зато я поняла главное: в открытую душу проще всего плюнуть. Прощай, несостоявшееся счастье мое.

Не стало и второй Веры. А, может быть, образ девушки – продукт его воспаленного мозга. Чтобы охладиться, Артур вошел в Узень. Здесь было мелко, а там, за камышами, он знал, таилась омут. Сомкнулись над головой серые воды, а где вынырнул парень, никто не видел. К излучине редко приходили баклушевы, далеко, а суслик, как ни вытягивался на задних лапках, за камыши не мог заглянуть.

Уха для сатаны, или

О референдуме в деревне

На берегу речки в проеме камышей ловил рыбу старик.

– Смотри, Федор, как похож на Кузьмича. Если бы не умер неделю назад, точно был бы он. И самокрутка – в палец, и дымит как паровоз.

– Не может быть, Роман, Кузьмича мы сами заложили в глину, до сих пор поясница не сгинается.

– Брата-близнеца у него точно нет. Сестру знаю, но она давно слух потеряла и только улыбается всем. Надо подойти к рыбаку и спросить, кто он.

– И, правда, чо прерякаться, не на свадьбе же.

Роман и Федор подошли к старику.

– Извини, товарищ, очень ты похож на Кузьмича, а его мы недавно похоронили, развея наши сомнения, – сказал Роман.

– Зря сомневаетесь, Кузьмич я, просто захотел ухи, вот и рыбаку.

– Так мы же сами тебя в пласт замуровали, – опешил Роман.

– У меня до сих пор поясница не сгинается, – поддержал друга Федор.

– Не могилу выкопали – траншею, надо было на штык лопаты помельче, с трудом выбрался, – затянулся смачно дымящимся самосадом Кузьмич. – А боль в твоей пояснице, Федя, скоро пройдет: Акулина, твоя залетка, вылечит, как и своих мужей.

– Да, они умёрли, Кузьмич?

– А я о чем тебе толкую, Федя. Карма у нее нехорошая.

– Тоже скажешь, Кузьмич, нехорошая, сидеть можно на ней, сам сколь раз пробовал.

– Роман объяснит тебе, о чем я. Если успеет. Недолго ему осталось кренделя выписывать.

– Он, Кузьмич, из дуба жену свою Анастасию топором вытесал, вылитая. На ее могиле хочет поставить, когда умрет.

– За другие фигуры он, Федя, поплатится. Да, да, Роман, скоро братья Даниловы поставят тебя на костыли, за излишнюю похоть.

– Все-то ты знаешь, Кузьмич, лежа в могиле, или просвещает кто?

– А почему я здесь, и ловлю рыбу? Думаешь, разрешили бы, как ни хоти ухи. Оказывается, Варька моя, ведьма, с чертями водится, вот и попал я в ад.

– Впервые слышу, чтобы в ад по блату, – фыркнул Роман.

– Теперь так, свой я там. Внушил Сатане, что лучше ухи, чем из наших карасей, да на камышовой воде, нигде нет. По правде он не умней барана, и обличьем схож, но знает, что скоро случится в деревне, кто и когда умрет.

– А когда я умру? – спросил Федор. Кузьмич отложил в сторону удочку:

– От самогонки своей залетки ты загнешься, на корнях она ее настаивает.

– На каких корнях?

– Не знаю, их сейчас много. Тот мужик в трусах, из рекламы, тоже у нас, переусердствовал, так что Акулину посещай со своей самогонкой.

– А как же фермер Кошкин, ведрами ее самогонку хлыщет.

– Ты, Федя, знаешь, что он крошит в суп вместо укропа?

– Еще бы не знать, полынь. Попробовал однажды, свело так челюсть, что дня четыре говорить не мог.

– Он Варьке моей родич, попросил как-то постричь его перед школой, это было давно, когда я еще работал в колхозе стригалем, еще тогда нащупал под его волосами два маленьких, с наперсток, рога. Но не придавал этому значения: мало ли чего может у человека вырасти на черепе?

– Кузьмич, а ты прав, – сказал Роман, – недавно Кошкин на виду у всех с каланчи спрыгнул, подошвы сапог отлетели, а ему хоть бы что.

– А на дне речки сколь сидит без воздуха, целый час, – добавил Федор.

– Ладно, открою тайну: дурит он вас. Под водой, в береге, промоина есть с воздухом, там он и сидит.

– Еще и деньги дерет за свои обманы, – возмутился Федор. – А давайте теперь его одурачим. Покажем воскресшего Кузьмича, пушай по деревне слухи разносит.

– Явления народу все равно не будет, – засмеялся Роман. – Скорее подумают, совсем одурел от самогонки.

– А кого он удивит? У нас в деревне, что ни баба, то ведьма, – сказал Кузьмич. – Одна рябая Клавка более-менее серьезная. Молилась вчера на кладбище. Да тоже того: чтобы омолодиться, заменила на лице кожу, а откуда ее взяла? С задницы.

– Так, у нее там наколка, – удивился Роман.

– Полдеревни мужиков точно смеются, – согласился Кузьмич. – А эта, Елена-каланча что отчудила, козла привязала к кресту на могиле мужа, чтоб траву ощипал. Ох, ты, батюшки, предпринимательница хренова, ладно, задохнулись мы от его мочи, выдрал он крест и повалил еще с десятков рядом стоящих. Каланча сразу отказалась от козла: не мой, говорит, и все тут. Отпустили козла, но он не домой побежал, а к попу в церковь. Эх, и смеялся Сатана, и, правда, редко услышишь такое.

– А зачем к попу-то побежал козел? – не понял Федор.

– Привык к нему, – ответил Роман.

– И что?

– Не врубился?

– Пока нет.

– Ему надо с подсказкой, Роман, – хмыкнул Кузьмич, – Поп, Федя, в свободное от молитв время любит забираться на каланчу.

– А причем тут козел? – спросил Федор.

– Козел точно не причем, – ухмыльнулся Роман, – поп каждый раз, когда приходит к каланче, приносит ему морковку.

– Посмеялись, и хватит, мне пора назад, уху варить.

– Подожди, Кузьмич. А что говорил Сатана о беде, которая случится скоро в нашем селе? – спросил Роман.

– Беда, или происшествие, судить вам. Кому сейчас деревня наша нужна? Если не елозить, а говорить правду, никому. Была она на повороте речки сапогом, а теперь – без ступни, отгнила на хрен. А отчего гангрена? Вот, вот, молчите, а может, и не знаете. Пройдет у вас скоро референдум, по инициативе ведьм.

– Ведьм? – удивился Роман. – Так их сколько, две – три?

– Я же говорил, в деревне всякая баба ведьма, немало и мужиков с рогами, вот и решат, просто отделяться, или еще и войти в состав ада. Сатана обеспечит полную поддержку.

– Нет, я не хочу в ад, – возразил Федор, – у нас в семье ведьм не было, если только баба Фима, ходила она по улице не с бадиком, а с метлой: говорила, так мягче. Но не летала она на метле.

– А если ночью, как ты увидишь со своей куриной слепотой?

– Не куриная она у меня, Кузьмич. Когда светит луна, я все вижу. Ванька студент, на глазника он учится, сказал, что в темноте видят только кошки. Сам он и в очках ходит к ночному горшку на ощупь.

– Ладно, мужики, хоть по вашему суждению я труп, скажу так: поживем-увидим. Бывайте.

И словно не было Кузьмича. Лишь блестела на берегу речки чешуя от пойманных им карасей, подтверждая то, что случившееся Роману и Федору не приснилось, что есть другие реальности, пока непонятные и удивительные. Да и в деревне много тайного, неразгаданного. А что будет после референдума?

Море плачет, или

Слезы моря

Между звездами и морем – Северное сияние, серебряными и золотыми кажутся выпрыгивающие из бегущей темно-синей волны рыбы. Есть и большие, но не дельфины, они здесь не водятся. А как бы помогли ему, если приучить, взрывать вражеские корабли.

Прибавляются на лице морщины, словно годовые кольца, глубокие от пережитого. Ему за сто, но в памяти все сохранилось до мельчайших подробностей, ярко и четко.

Тогда он был не просто дед Филипп, а Филипп Григорьевич Канат, и такой же крепкий, руками протягивал баркас вдоль скалы в маленький грот, о котором знал, наверное, только он. Тут недалеко в рыбацком поселке родился, облазил с другими ребятами весь окрестный берег. Прилив иногда заливал грот полностью, но это было довольно редко и только в полнолуние. Вода прижимала баркас к скалистому верху грота, но не переливалась через борта. Ни северный ветер, ни взгляд иноземца туда проникнуть не могли, как ни обшаривали они глазами скалистый берег с торчащими из моря клыками скал.

Они ставили мины на возможных проходах вражеских кораблей и подводных лодок к военно-морской базе, но были атакованы позарившимся на их посудину тяжелым бомбардировщиком. Из команды он остался один. Не утонул и баркас, хотя пробитый осколками больше смахивал на дуршлаг. Волной и ветром спасшихся прибило к берегу.

Восстановил баркас Канат, значит, хорошим был механиком. «Отмщение, сударь, отмщение». Откуда, из какой книжки всплыли эти слова, он не помнил, но они точно выражали его внутреннее состояние. Если ярость к врагу раньше просто горела в его душе, то теперь вспыхнула с новой силой.

В распоряжении моряка остались не только баркас, но и двенадцать мощных мин, каждая из которых способна отправить на дно любой корабль.

Сегодня была особенно удачная ночь. Даже луна с удивлением вытаращила свой желтый глаз, когда он сходу, впритык со скалой, направил баркас в грот. И успел: недалеко, на главном фарватере, раздался взрыв, значит, на притопленную им мину нарвался эсминец, который должен был выйти из захваченной фашистами бухты. Конечно, тральщики процедили фарватер тщательно. Но Канат рискнул и поставил мину, можно сказать, по их следу, недалеко от скалы, где прятался. Эсминец вышел из бухты сразу за тральщиками, но он успел. Не только уничтожил вражеский корабль, но отвел от людей и те беды, которые тот мог совершить... Кто помог в этом Канату? Бог, ненависть к врагу, неудержимая смелость? Скорее всего, все вместе.

Баркас оставался в затопленном гроте, а он, выныривал из него, и, прячась за скалой, осматривал окрестность в морской бинокль. Определял без большого труда, какой транспорт должен был выйти из бухты. Загружались тайно ночью, а перед отплытием всегда выстраивались на палубе, слушая наставления старшего фрица. Так было заведено, пунктуальные очень, что их иногда губило. Он хоть и не семи пядей во лбу, но в ту ночь сразу смекнул, что на корабле втрое больше офицеров, чем нужно. А где рядовые моряки? В трюмах? Скорее всего, куда-то доставляют новые подготовленные команды. И он снова ценой жизни совершил невероятное. Обвязав мину канатом, вытянул ее из грота и потащил, словно буксир туда, где, скорее всего, пойдет корабль. Баркас бы точно заметили, а его голову нет. Когда обшаривали море прожекторами, Канат нырял, не переставая тянуть опасный груз, а мог плыть под водой больше минуты. Возможно, благодаря этому и остался жив.

Перед раздавшимся взрывом успел немного отплыть и метров на пять ушел вглубь, но от удара воды ощутил себя скрученным в канат. Долго сочилась из ушей кровь, он не мог двигаться, и при каждом всплытии хватал ртом воздух так, словно вгрызался зубами в твердую атмосферу.

Никто не узнал о его подвиге, не говорил он никому о нем. Зачем? Ребятам все равно не вернешь. И чем хвастаться? Что других отправлял на тот свет. Вот ему больше ста лет. И двести проживет, а боль от невосполнимых утрат останется в душе навсегда. И никто ему не объяснит правильно, почему эти брызги прибоя соленые, как слеза. Быть может, и море плачет?

Мои наблюдения

Наблюдали вы когда-нибудь за теми, кто торгует на базаре рыбой? Словно караси в халатах: рот открыт, глаза вытаращены, челюсти двигаются как жабры.

Еще древние заметили, что похожими друг на друга становятся совершенно разные существа, если подолгу вместе.

Вот мой сосед собаковод. Если нахлобучит своему мопсу на голову фуражку – не отличишь. Не раз ментам подсовывал фотокарточку мопса вместо собственной, проходило. Даже повадки стали одними: рычат, гавкают на прохожих, мочатся у дорожного столба. И в магазинах путают мопса с хозяином. Особенно, когда он в темных очках и перчатках. Положит передние лапы на прилавок, издаст рык и тычет мордой в молочные сосиски.

Вы, вероятно, не бывали на животноводческих фермах, мало их стало в последнее время. Мне недавно посчастливилось. Первое, что бросилось в глаза, это удивительная схожесть человека со скотиной. Доярки бегают как коровы, отбрасывая ноги в сторону, и все пышногрудые, хоть самих дои.

А на конеферме? Знакомый мне конюх Гаврила пьет водку ведрами, как тягловая лошадь. Смех его, не всегда отдаленно, напоминает ржанье жеребца. Вот так: ио-га-го-го («г» фрикативное).

В зоопарке, конечно, вы были. Есть там птица секретарь. Хоть сейчас в лондонский офис к Абрамовичу.

А медведь? Только и указывают на его физические недостатки. Мол, сосет лапу и спит месяцами в берлоге. Какие умные! А чего бы сами сосали с голодухи под снегом. О верблюдах я и не говорю. Недавно пожилая дама (не будем называть ее фамилию) сравнила голос известного, если судить по интернет – опросу, певца с верблюжьим. Да еще добавила, что оскорбляет этим двугорбого.

Я вот что, коллеги, отмечу: сравнивают всегда людей с животными, а не наоборот. Вспомните: человек человеку волк, от работы конидохнут. Болтливые люди сорокой трещат, злые вороной каркают. Поют, как соловьи, чирикают, как воробьи. А если спят, тут уж сурка подавай, в крайнем случае – медведя.

Заметили? Малышей не трогают, а если трогают, то нежно, бережно. Сравните: грязный, как свинья, и испачкался, как поросенок. Курица ты мокрая, и птенчик ты мой маленький. И так бесконечно: сколько зверей, столько и сравнений.

Другой сосед мой, Никодим, лингвист по профессии и пустозвон по жизни, предложил сравнивать зверей и птиц с человеком, для равноправия.

Смеялись всем подъездом. Представьте: соловей поет, как Басков, сорока трещит, как Трендычиха, лошади работают, как Стаханов, был такой передовик. Или: любопытными бабами каркали вороны. Лань шла по лесу боязливо, как Татьяна Ларина. Ух, вспотел я!

Ха, ха, ха!

– Ты ли это, Коля: глаза подвел, губы нарисовал, англичанка в школе меньше мазалась, когда к физруку приставала.

– Ха, ха, ха!

– А зачем мячи под рубашку засовал, знаю, что болеешь за «Спартак», но тут перебор явный?

– Ха, ха, ха!

– Сначала подумал, ты на ходулях – такие каблуки.

– Ха, ха, ха!

– Откуда веселье? Раньше ты больше хмурился, брови сводил лесополосой, а сейчас они похожи на крылья мухи в профиль.

– Ха, ха, ха!

– К врачу бы тебе, на все вопросы отвечаешь односложно. На экзаменах, помню, и слова выговаривал, некоторые, правда.

– Ха, ха, ха!

– Чем занимаешься, Коля, ЕГЭ ты так и не сдал, смеялись все тогда, Митрофанушкой тебя называли.

– Ха, ха, ха!

– Действительно, смешно: написал о частях речи, что это, мол, части её. Оглобля, русачка наша, до сих пор вспоминает тебя с оскалом на лице.

– Ха, ха, ха, хи, хи, хи!

– Ого, прогресс налицо, но все же, что с тобой? Говоришь басом, а на вид... Не сменил пол? Еще в школе завидовал канцлеру Германии Меркель: баба, а всегда в штанах. С первого класса с пудрой ходил...

– Ах, ах, ах!

Петр и Феврония

– Здравствуй, Эсмеральда, как живешь, с кем флиртуешь, хотя, знаю, муженек у тебя, ох какой ревнивый? Помнишь, на своей свадьбе ты к дубу прижалась, так он ночью срубил его.

– Любил меня, – ответила молодая женщина, и глаза ее странно засветились.

– Конечно, ни одного дерева на дворе не осталось. А почему говоришь, любил, остепенился или обзавелся рогами, все время на поводке тебя держал, как ты его не натягивала.

– Трудно этому поверить, Рита, но я все более убеждаюсь, что мой муж был, если не волшебником, то колдуном.

– Был?

– Умер он, но звонит мне каждый день.

– Что? – у Риты перекошилось лицо.

– Да, звонит.

– Вероятно, разыгрывают, сейчас каждый второй пародист.

– Нет, не разыгрывают, кто может знать, как называл он меня ночью.

– А как он тебя называл? – поинтересовалась Рита.

– Анакондушкой.

– Так ты его обвивала?!

– У каждого, Рита, свои сравнения. Сейчас это слово стало для нас паролем: «Это ты, Анакондушка?»

– С того света не поговоришь, мертвые не мают.

– Мают, Рита, еще как мают. Все время спрашивает: где была, чего делала?

– Вот это любовь: настоящие Петр и Феврония. Использовать бы этот сюжет, да не режиссер я. А нервы у тебя крепкие, Эсмеральда: с мертвым разговариваешь. Я бы от страха оконфузилась.

– Ты и сейчас...

– Ладно, ладно... бывало и хуже. И все же я недопонимаю: воздух может просачиваться в могилу, а где подзарядить мобильник? Электрической розетки в гробу нет. Сомнительно все это.

– Я сейчас сама наберу Константина, – Эсмеральда достала из сумочки мобильник. Волосы у Риты поднялись дыбом: мобильник затрещал точно так, как сорока у нее под окном.

– Костя, это я, Анакондушка. Привет тебе от Риты, сомневается она, что ты, ну, живой. Мертвые, мол, не мают. Скажи ей пару слов. – Эсмеральда передает мобильник подруге. Из него снова раздается сорочий треск.

– Костя, Костя! Я ничего не понимаю, не шифруй слова, – бледнеет и падает в обморок Рита.

– Вот ты где, – подбежали к Эсмеральде два санитары в белых халатах, – все окрестности у психиатрической больницы прочесали, а ты тут, в парке.

– Вот с мужем разговаривали, умер он.

– Пойдем, милая, пойдем, надо еще подлечиться, чтобы понять, что твой муж еще живой, хотя на вид этого не скажешь.

Сказ о том, как судак

по Узеньям ходил

Он только вывелся, ничего не знал и, забившись под корягу, глядел на незнакомый мир со страхом. Рядом шумела вода, переливаясь через бетонную плотину. Выполз из норы старый рак с клешнями-гильотинами, пошевелил усами, выпучил глаза.

– Не дрейфь, малец, – разглядел он торчащие из тины рыбы глаза. – Все такими были: не живородящиеся, чай, из икры. Смотри, твои родственники плывут, – показал он клешней на проплывающую стайку судаков.

И начал рассуждать. Еще недавно носились они по гребням речных волн словно на подводных крыльях от края Заволжья до хвалынских белых берегов, и так несколько раз: водохранилище-то за Балаковом как море и волны под стать – крутобокие. Хотелось им взлететь к синему небу, как птицы, обогреть под солнцем холодную грудь и заглянуть за горизонт, может быть, счастье там. Не смейся, и у рыб бывают мечты. Чтобы оставалась чистой Волга, чтобы не загрязняли ее нефтью, чтобы не было браконьеров. Ушли бы в Каспий, или по Каме в северные реки. Но встали на пути плотины – не всякая птица перелетит. Рискнули пойти на Юго – Восток в Заволжье, куда протянулся канал. До Иргиза самотеком, тут проще, а вот дальше – стометровый водораздел. Рыбе не взобраться на него. Перерубят насосы станций, поднимающие воду по четырем ступеням каскада. А если в ней икринка или мальки, никто и не заметит. А там – в Узени и Еруслан, где чистая вода и много пищи.

– Так что плыви по течению. Сейчас ты маленький – и это твоя защита. А когда подрастешь, сам постоишь за себя, – рак махнул клешней в сторону переливной плотины и попятился в нору.

«Какой мудрый, – удивился судачок и выплыл из-под коряги.

Канал казался ему большой рекой. А когда выбросило из водонапорных труб, думал, плавники оторвутся. Хорошо чешуя еще не выросла. И такое испытывал после каждой насосной. Дальше течение было спокойным, плавным. И вот цепочка прудов – исток Малого Узеня. Почему его назвали Малый, он такой же, как и Большой. Даже текут эти речки рядом, одинаково изгибаются. Позже, плавая за невестой, он побывал и там.

Когда он, разогнавшись, попадал на большую волну, летел как с трамплина. Высоко и далеко, на зависть карасям и разной плотве. Скалились щуки, но зубастых он не боялся. У многих пасти в шрамах от его колючих плавников. А чешуя у него – броня, на жабрах – шипы. Клыки – не вырвешься. Сколько расплосованных им вдоль и поперек рыб шарахались от него. Боялся он только человека.

Плыли они недавно с другом подлещиком вдоль плотины, облицованной в бетонные плиты.

– Смотри, сколько собралось рыбаков, и все по нашу душу, – сказал подлещик.

– На крючок нас не возьмешь, не глупые караси, сетки обойдем. Страшнее ловушки: пауки, морды, как их рыбаки называют, хотя и они цветики, ягодки будут впереди. Видишь, у камышей кодла собралась, будут нас глушить тротилом, – показал плавником на противоположный берег судак. – Ба, знакомые все лица. Глава района и его прилипалы. И рыбнадзор с ними.

Его они часто видели с мешками сетей – перехваты ставил. Кривого сазана однажды поймал. Не заметил инвалид сети. Дальше все было как в анекдоте. Обнаглел рыбнадзор – сам продавал рыбу. По 120 рублей за килограмм. Взвешивал ее на безмене. Кривой тогда подумал: все – хана. Не прижметесь он больше к жабрам молодой сазанихи. А бабка, которой рыбнадзор продал Кривого, жила на берегу речки. Огород в нее упирался, там и решила почистить сазана. Начала с головы. От боли очухался он, рванулся из последних сил и – в Узень. Ушел в глубину,

залег на дно. Теперь он не только кривой, но еще и лысый. Без чешуи на голове. Молодая сазаниха бросила его, уплыв куда-то в Большой Узень с окунем.

Вот этот самый рыбнадзор готовил шашку к взрыву.

– Давай, быстрее, ухи хочется, и не хихикай, – подплыв ближе, слышали судак с подлещиком суровый голос главы.

– Все готово, разбегайтесь, – зашел по колено в воду рыбнадзор.

Времени в обрез. Они нырнули вглубь водоема, воткнувшись головами в тину. Замерли. И раздался взрыв... На воздухе перепонки лопаются, а тут водная стихия. Хорошо, что успели зарыться в тину, поэтому не всплыли вверх брюхом.

Вверх брюхом плавал вместе с большими и малыми рыбами взрывник. Поспешил он и зацепился ногой за корягу.

– Наконец-то рыбнадзор жабры склеил, – потер плавниками брюхо подлещик, – засуетились.

– Не полностью, видишь, тянется рукой к сазану, и в воде не тонет, и в огне не горит защитник наш и первый браконьер в округе.

И вспомнил судак времена ранней юности, когда гулял с подругой в свадебном путешествии по Малому Узеню и магистральным каналам. Тогда он впервые увидел главу района у полыхающего костра, в который подбрасывали солому. Целый стог ее стоял у реки на краю поля.

– Сначала чистую воду проведем в родные Баклуши, – говорил он сидящим у костра, – и первые колонки установим у своих домов.

– Не дадут под зад за нецелевое использование бюджетных средств, – засомневался толстощекий заместитель главы.

– В денежном выражении мы выполним программу водоснабжения деревень, а с кого начнем – наше муниципальное дело. Если что, перетру с дядей из правительства.

Узнал судак от премудрого пескаря, что чистая вода была подана по трубопроводу в Баклуши уже через три месяца, и на это ушли все денежки. Далековато было до водоочистных сооружений.

Проявил активность толстощекий заместитель главы, до этого колхозный завхоз. У него был большой опыт: довелось отсидеть с полгода за растрату имущества в период развала сельского хозяйства. Отпущен досрочно по состоянию здоровья.

Слухи по рекам и озерам распространяются быстро. Один из них принес гусь. Судак тогда лежал в яме водоема, отдыхая от долгого плавания. Он же кочевник, не любит засиживаться в одном месте, не рак, не ондатра, даже не ленивый карась.

Гусь рассказывал подруге баском о впечатлениях после перелета. В Баклуши протянулась асфальтированная дорога до самого коттеджа главы района. Трещат сороки – он приватизировал целый пищекомбинат, и новый административный срок ему не светит, если только лагерный.

Одна мечта была у обыкновенного судака – увидеть мудрого рака – отшельника с клешнями – гильотинами. Провидец он: жизнь идет по распечатанной им программе. Для рыб мало что меняется. Уточняются только орудия для их ловли. Даже ловушка – морда казалась теперь детским личиком. До сих пор друг – подлещик не пришел в себя и не откликается на зов, спрятавшись в старой ондатровой норе.

– Как обычно, гонялись они за плотвой. Канал не работал, и течения не было. Двое в резиновой лодке остановились у камышей, опустив в воду концы проводов, подключенных к аккумулятору – так они называли большой ящик.

Красиво было на пруду. В нем отражалась заря, прибрежные деревья. Плескалась рыба. И тут их осенило: вновь готовят подлянку рыбаки, ненасытные террористы.

Судаку шел восьмой год, и он торпедой помчался за излучину реки. Еще сильнее рвал плавники подлещик, отталкиваясь от пугающей воды.

Прошел по телу, ударил по мозгам еще незнакомый им электрический разряд. Лишь потом, очнувшись, они узнали: в излучине было убито все живое, даже козявки, и ее назвали мертвой.

Долго обходили стороной рыбы это место, плача от бессилия и несправедливости. Но в воде не видно слез, да и не бывает слез у рыб.

На краю у сказки

Широкая река, виден лишь край Заволжья, к которому катились волны. Со лба правого берега стирали росу полотенца – тучи. На палубе теплохода у борта стоял бледный юноша, глядя на кипящую за кормой воду. След тянулся углом по далекому изгибу реки, за которым остались город, надежды. Будто выбросили его из самолета без парашюта, и надвигалось неизбежное. Лучше бы он разбился о землю сразу, когда прыгал вместе с ней в аэроклубе с парашютом. Теперь она на крыле, есть свой дельтаплан, подаренный солидным мужчиной. Заигрывает с ним, хотя в два раза младше этого денежного мешка, и вдвое больше ростом.

Улыбка у него получилась настолько измученной, что стоявший рядом мужчина в очках и с копной ковыля на голове спросил:

– Вам плохо? Я экстрасенс. Хотите открыть мне душу?

– Да хоть черту, мне теперь все равно.

Очки седого мужчины зажглись зеленым светом. Из его сумочки выглянул чертенок и тоже сверкнул изумрудами глаз.

– Вы колдун?

– Не бойтесь. Это мой кот Матвей, едем с ним в деревню на отдых. Устали в камере на девятом этаже. Лифт заработает, если дашь лифтеру на пиво. Что же вас беспокоит? – погладил он торчащие из сумки уши Матвея, словно тот подслушивал.

– Все: и душа, и сердце, и мысли.

– Поссорился с девушкой? Расстался? Другая любовь вклинилась?

– Все сразу, и многое другое. Перевешивают богатство, роскошь. А когда заговоришь о чем-то светлом, возвышенном, о нравственной чистоте, тебя даже не понимают. Уезжаю я, далеко, навсегда, чтобы вырвать, забыть.

– От себя не уедешь. Ты хоть простился с девушкой, поговорил с ней?

– Написал три слова: прощай навсегда, Гена.

– Я вижу – плачет она. Как дешево себя ты ценишь: умный, красивый, сильный. А струсил, сдался. Скорее и нет другой любви. Как ты думаешь, Матвей?

Недовольный кот выглянул из сумки, облизался и, полоснув зеленью глаз, отчетливо прошипел:

– Не – а.

«Какая-то мистика: колдун, говорящий кот. Нет только ковра – самолета» – подумал юноша.

– Будет тебе ковер – самолет. Подожди немного, – прочитал его мысли незнакомец. Юноша еще раз внимательно посмотрел на него, на кота. Точно такого же сбросили они однажды на маленьком парашюте с самолета. Сами его сшили по нормам и правилам. Приземлился кот успешно. Потом сам просился в самолет и прыгал вместе с ними. Кому скажешь, не поверят.

– Я поверю, – снова прочитал его мысли колдун. – У Матвея пять прыжков. Но только со мной и в сумке.

– Правда? – удивился юноша.

– Правда.

– Вы увлекаетесь парашютным спортом?

– Ну, это будет громко сказано. Скорее хождением пешком по водам. Невесомость приобретаем заклинаниями.

– Потрясно.

– Но это только в тихую погоду и в полнолуние. В другое время погружаемся в воду по колена и я, и кот: вес наш на квадратный сантиметр площади ног одинаковый.

– Простите меня, я совсем запутался. Матвей тоже из сказки? Ученый кот?

– Это как сказать. Ученый – справедливо. Но в сказку он может только попасть, если ты расскажешь о нем детям.

– Из меня писатель как из барабана скрипка.

– Первый раз слышу такое сравнение. А ты, Матвей, слышал, чтобы так говорили о твоём инструменте. Он иногда играет на барабане и поет колыбельные песенки. У него и сейчас в сумке лежит барабан.

– Не – а! – снова послышалось отчетливо.

«Разводят меня добряки, чтобы я не грустил, – предположил юноша. – Отвечу им тем же».

– Вы не будете против, если я поеду с вами в деревню. Оклемаюсь после ударов судьбы. Подумаю, как побороться за свое счастье.

– Вот это мы и хотели услышать от тебя. Только этого тебе не надо. Посмотри вверх.

В небе у самых облаков белым клином летели на север гуси, соревнуясь с двукрылым самолетом, а пониже над самой рекой неся в воздушном потоке дельтаплан. Он узнал ее сразу – Наташа, родная его Наташа.

Девушка обогнала теплоход, сравнялась с ним ходом и села на палубе.

– Вот и я, беглец. От меня никуда не спрятаться, не скрыться, любимый мой дурачок.

Только потом он вспомнил о своих загадочных спутниках – экстрасенсе и его ученом коте. Но их рядом не было. Неужели ушли на берег вот так прямо по воде? Или он все перепутал от волнения.

Прикольню

Тучка задела черным крылом мачту ретранслятора. Куда вымахала? На 364 метра. С такой высоты виден край Заволжья. Раздался грохот, ударила молния. «Конец», – подумал Юрий Иванович, глядя на расплавленные дымящиеся подошвы ботинок. Разряд прошел сквозь него. Даже ветер шмыгнул в испуге за угол.

«Блин, как долбануло, извилина выпрямилась» – будто прочирикал воробей.

«А бомжу по барабану: развалился, лапти сушит» – будто прострекотала сорока.

Кажется, он обрел чудотворный дар, стал читать мысли других, даже у кого их нет? Круто! Теперь он потешится, выведет кое-кого на чистую воду.

Первой Юрий Иванович встретил жену, как всегда нафуфыренную и злую:

– Работу все ищешь? Подковы, вон, сбил. Да кому ты такой неумеха нужен. Как ребенка еще сделал, – и добавила про себя:

«хорошо Гришка-сосед затащил к себе перед свадьбой. Эх, и рогов наставили она этому олуху. Как за порог, так и рог, и не только с соседом»...

– Ты всегда говоришь то, что думаешь, моя верная женушка, – ответил он, думая: сбежал бы давно, было бы куда.

В доме напротив второй день шла гулянка: вернулся с заработков Сергей. То ли визжали еще не покрытые свиноматки, то ли застоявшиеся жеребцы стучали копытами под барабанную музыку: бум – бум, бум – бум. Голова ни у кого не варила от этого в квартале.

К этому дому и подошел Юрий Михайлович. Во рту пересохло, в вывернутом желудке – всеобщее отторжение. Вчера такое пили – не приведи Господь: пятновыводитель на основе денатурата. У кореша даже татуировка рассосалась. Тряслись губы, руки и все, что могло двигаться – легче сдохнуть.

Сергей пьяно выкобеливался перед приятелями. Два месяца он не был дома. В тайге не разгуляешься. Медведя увидишь чаще, чем человека, особенно бабу. Деньги есть, а опрокинуть некого. А здесь в городке никого и обламывать не надо. Хоть сучку вот этого барбоса. Давно сорвалась она с ошейника, теперь мало будет и намордника.

– С бодуна, что ли, Михалыч? Щеки, как рекламные щиты. Не парься, возьми на пиво, – сыпанул небрежно в его руку кучу мелочи.

Было стыдно, ведь он прочитал его подленькие мысли, но деньги взял.

Снова плюнули ему в лицо и кто? Все. Хватит. Надо выбираться из ямы... Он учитель французского языка, который не преподают ни в одной школе города. Не нужен нигде месье Петров. Кадровых сокращают. С такими мрачными мыслями вошел Юрий Михайлович в кабинет директора школы Самохвалова. Кресло тому приходилось отодвигать от стола на пол – метра, мешал живот.

– Ибрагим Остапович, я снова к вам. Больше некуда. Может быть, хоть сторожем возьмете? – и лучше бы не читал его мысли:

«Опять этот хрен месье. Ехал бы во Францию лягушек ловить, таких же картавых, как он. А какое прозвище дали бы французу в школе? Наверняка, «синий нос». У него, директора, и то есть кличка: «надутый пузырь». Почему надутый? Разве не надутый пузырь бывает?»

О семантике слов директор и не слыхивал. До перестройки он работал физруком, имел второй разряд по шашкам.

Пузырь сжал круглое лицо:

– Опоздал, милейший, уже взяли. В сторожа нынче идут даже спортсмены. А что? Сутки здесь, трое дома. Тренируются.

– Я все понял, не понравился вам мой нос, коллега. Главное берегитесь острых предметов: наколетесь, лопнете.

В коридоре встретил похожую на цаплю знакомую англичанку Веру Васильевну Рожину.

– Бонжур, мадам!

– Гуд бай, месье!

– За парты, – раздалось из дальнего класса, – на болоте цапля.

Он улыбнулся: все, как прежде и не все так плохо.

День был солнечным. Осенние листья усыпали парк. Даже сумка старика, одиноко сидящего на скамейке, была в золотой оправе. «Закончится листопад, сгребут листья, сожгут – и все, словно с девственницы сорвут одежду...»

– Здравствуй, дедуля, – поприветствовал он старика. – Не холодно на скамейке.

– Что ты? Я же в шубе осени, – улыбнулся тот. А мысли его были как на мониторе:

«Еще один не нужный никому гуманитарий. Умел бы делать хоть свистульки, не болтался бы как гнилушка в проруби».

Юрия Михайловича словно снова шарахнуло молнией. Он же умеет плести из лозы сумки, корзинки, даже кресла. В детстве перенял у деда. Таких мастеров в округе вообще нет. Он поцеловал старика в небритую щеку:

– Спасибо, дедуля, увидимся, – и побежал к Малому Узеню, где у водослива росли кусты тальника – гибкие, крепкие.

Весной их дороги снова пересеклись. Юрий Михайлович подарил старику красивую сплетенную из лозы сумку с надписью: «Дедульке!».

У киоска «Спортлото»

Киоск «Спортлото» в нашем городе – пуп земли. Стоит рядом с базаром, супермаркетом. Около него всегдалюдно. Одними движет игровой азарт, другие ловят удачу.

А тут предлагают самые разные лотерейные билеты, моментальные игры – блиц, супер, спринт – на любой вкус. А послушать диалоги – одно удовольствие.

– Не подорожали? – кричит в окно инвалид на костылях.

– Нет, вас ждем, – улыбается киоскерша так, будто рублем одаривает.

– Два золотых ключика мне, Сонечка. Мечтаю о благоустроенной квартире с тех пор, как ногу Гитлер отнял.

– А вы в какой живете? – спросила девушка из управления соцзащиты.

– В саманной, на Лысой горе – все удобства во дворе.

Прикольно рифмуете! – улыбнулась девушка – соцзащита.

– А я еще и пою. Хватану после пенсии перцовочки – у самого Малого Узеня слышно.

– Тебе, дед, хорошо, перцовку покупаешь, а моей зарплаты только на блиц-лото и хватает, не купишь и процеженного молока, – пожаловался рыжебородый.

– Что же у вас за зарплата, если средняя в районе шестнадцать тысяч? – Это снова девушка – соцзащита.

– Ты тридцать получаешь, я три, в среднем – пятнадцать, – обрадовался своей находчивости рыжебородый. Девушка покраснела (у нее оклад был сорок тысяч рублей) и отошла в сторону.

– Мне билет на тридцать четвертый словно кассиру вокзала гаркнула толстенная молодуха.

– На тридцать четвертый тираж «Спортлото»? – уточнила киоскер.

– Да, на самый ближайший. Хочу выиграть иномарку, в отечественную не влезаю, – глаза ее горели, как фары мерседеса.

– Соня, как всегда, десять билетиков «Супер», – протянула в окошечко без очереди горсть мелочи торговка овощами в белом переднике. Базар был рядом, и за день она умудрялась делать к киоску три – четыре ходки.

– Почему без очереди, дамочка? – заволновались мужики. – Травоядные ждут, спешу, – выхватила она из рук Сонечки супербилеты и побежала к базару. Привычно мелькали красные подошвы ее тапочек, трепыхался на ветру белый передник.

Когда очередь рассосалась, я спросил у Сонечки:

– Наши-то часто выигрывают?

Сонечка смутилась, но тут подошли две женщины с раскрытыми кошельками. Скорее всего, из салона красоты: выдавали их новые прически и толстый-толстый слой грима.

– Хотим сыграть в спринт, надо же восполнить непредвиденные расходы, – жестом указала на прически одна из них.

Взяв билетики, отошли за угол. Послышалось их разочарованное

«без выигрыша». Несколько раз подходили две женщины к окошку киоска, но, увы. Кошельки закрылись.

– На то и спортлото! – успокоил их рыжебородый.

Да, неунывающий у нас народ...

Слез на погосте

Нелегкая тема погост. Рядом с живыми, а навещаем его не часто. Кроме разве что родных, забываем мы об ушедших от нас людях. А какими они были, эти люди? В основном добрые, веселые и любили острое словцо. О деловых качествах не говорю – многим бы сейчас у них поучиться. Но, увы! Никто с того света не возвращался. Может быть, счастливы они в других измерениях и мирах, но это, скорее всего, наши пожелания и мечты.

Ветер принес к краю погоста сотни совершенно новых целлофановых мешков. С мусорки. Как туда попали? Тоже мне ветер-шутник. Что, мертвым с ними в магазины за продуктами ходить. Скорее всего – стечение обстоятельств? А вдруг?!

Перед Пасхой родные убрали принесенные ветром к могилам пакеты, но они снова появились. Кто-то предложил самим сходить с ними за продуктами для усопших. По-разному восприняли предложение: кто в шутку, кто всерьез, но на Пасху на многих могилах лежали целлофановые мешочки с яйцами, конфетами, печеньем... На радость бомжам и детишкам.

Иные миры. Волосы встали дыбом, когда до меня дошел слух, что вернулось обратно надгробие, украденное с могилы Дмитрия Порфирьевича, которого я хорошо знал. Это был веселый человек, работал в фотоателье. Каждый разговор начинал с анекдота, всегда свежего. А его шутки и прибаутки записывали собиратели фольклора. Люди с его фотографий смотрели, как живые. Прежде чем сфотографировать, бывало, скажет мужику: представь, что твоя жена уехала в длительную командировку. Угрюмый встрепенется – вот тебе и кадр.

«Никогда не надо вешать носа, – вспомнились его слова.– Даже если украдут у меня надгробие с могилы, заставлю вернуть».

С кладбища я ходом в церковь. Свечу поставил за упокой души Дмитрия Порфирьевича.

Каждый раз, бывая на погосте, я видел женщину в черном у могилы мужа. Она разговаривала с ним, и уверяла любопытных, что он дает ей советы, предупреждает об опасности. Все жалели ее: рехнулась с горя баба.

– Не ходите сегодня в «Аэлиту» – обвалится, – услышал я ее голос, проходя мимо.

– Спасибо, – говорю, не обижаться же на убитую горем женщину.

Уже на другой день вечером узнал: рухнула стена в магазине «Аэлита», так как ее выложили из бэушного кирпича в целях экономии.

Долго я потом не видел эту женщину в черном.

– Ходила по совету мужа в святые места. Легче мне стало, только голоса мужа не слышу теперь. Видимо так надо, – объяснила она.

Я снова подумал об иных мирах.

Стояло сухое лето. Небо казалось выгоревшим, ни облачка. Поправлю другие могилы в следующий раз, решил я, протирая фотокарточку матери на только что выкрашенном памятнике. Что это на глазу? Слеза? Плачет мама, почему? Обойду – ка я и другие могилы.

Лежали на погосте родители жены. Еще недавно там было все в порядке. Все так же улыбался тесть, словно снова говорил мне: «Привет, зятек, может по маленькой в честь встречи». А встречались мы ежедневно: дом по пути на работу, он на пенсии, нянчил внучку.

А где же могила тещи? – не сразу нашел я ее. Крест сгнил от сырости и обломился, земля обрушилась – хоронили зимой. Долго я приводил ее в порядок. И все думал, что снова совпадение, и на фотокарточке матери не слеза, а капля росы. И вдруг пришла догадка: а разве сам погост – не мир иной, непостижимый, где всякое может случиться, потому что он живет нашим душевным состоянием.

Соломенная шляпа

– Бери, дарагой, дешево отдам, – протягивал ему туфли явно из кожзаменителя веселый армянин.

– От Хачатуряна из Арарат-ньюс? – Бронислав Мстиславович с утра был в хорошем настроении, хотя его лысая голова уже накалилась от жаркого солнца и мозги размягчились.

– Пятый год ношу и как новенькие, – показал подошву своего ботинка армянин.

– Твои на саламандру смахивают.

– Какой саламандра? За пятьсот рублей. Не хочешь ботинки – бери сапаги. Будешь носить и зимой.

– Нет, дарагой, – передразнил Бронислав Мстиславович, – мне соломенная шляпа нужна.

– Тогда к Мелконяну иди, он шляпами торгует.

В соседнем ряду «Головные уборы» Мелконянов и Алиевых было – через ларек. Пахло резиной, бензином. Синтетически поблескивали бейсболки, кепи с огромными козырьками (это под какой нос?). Скорее всего, их шили тайные пришельцы из других республик.

В углу крайней палатки на стульчике позевывала, не выспавшись, красивая женщина.

– Подскажи, барышня, где мне найти соломенную шляпу, надоело ходить по тeneвым сторонам улиц, прячься от солнца словно Снегурочка.

– Не от хорошей жизни волосы покинули твою голову, – сверкнула красавица золотым зубом. – Помогу тебе. Найду шляпу из морской соломки. Надя! – позвала она девушку в мини-юбке, больше смахивающей на широкий пояс. Майка под номером с арабской надписью не могла прикрыть ее загорелую грудь.

– Что тебе, сестрица?

– Продай вот этому господину свою шляпу из соломки, себе другую купишь.

Шляпа была ковбойская, по размеру, но синтетическая, скорее всего, китайская.

– Сколько? – полюбопытствовал Бронислав Мстиславович.

– За две тысячи отдам, – и, кажется, вильнула задорно задком, стянутом поясом-юбкой.

Торговцы овощами удерживали влажными руками за рубашку. Конечно, у них самые свежие овощи, лимоны и апельсины еще вчера росли в испанских рощах. А репа?

– С голову, – сравнила бойкая женщина в белых нарукавниках. Она даже погладила мягкой ладошкой его лысину. – Какая горячая, обжечься можно. Вам бы на нее соломенную шляпу – от теплового удара.

Бронислав Мстиславович даже расплакался, отвернувшись. Но слез не было видно, они скатывались по лицу вместе с каплями пота.

Долго бродил он по базару в поисках вожденной шляпы, но напрасно. Уже охрипла продавщица пирожков, зазывая покупателей, лучше бы использовала магнитофон. Устал слепой музыкант, перешедший на плясовые. Складывали товар неудовлетворенные продавцы.

– Купи, дарагой, сапоги. Что ты ходишь как абрек. Жалко мне тебя. Как первому покупателю за пятьсот отдам: хромовые, генеральские. С войны лежат.

То ли солнце уже взошло в зенит, то ли мозги совсем расплавились, купил он у армянина хромовые сапоги.

Когда возвращался домой, отвечал недоумевающим прохожим:

– Вот носить буду, генеральские.

А чё думать?

– Откуда ты явилась, Маша? – Василий с трудом разлепил опухшие веки, глядя на дородную с распущенными до пояса волосами девушку.

– Я не Маша.

– Анжелика?

– И не Анжелика, так всё заспавши? – девушка обиженно дернула толстой щекой.

– Кто же ты тогда? – Василий бросил взгляд на пол, и стал похож на филина – в углу лежал самый настоящий хомут. Он посмотрел в прихожую: нет ли там лошади, чем черт не шутит, все по пьяни может быть...

– Я Дуня из Ежей. Вы у нас отдыхали с друзьями, три дня, ажник всю самогонку выпивши, еще на кордон к Семену меня посылавши.

– А как ты, Дуня, здесь оказалась?

Так вы же меня взяли с собой, хотя Егор был против, говорил, своих коров у вас полно, а я пока здесь ни одной не видевши.

– А где сам Егор, да и другие ребята?

– Ребята вчера с доярок проведать пошли и не вернулись, а Егор в хлеву уснул вместе с быком, тетки обои, да и ревут одинаковши.

– На чем же мы с тобой в город приехавши? – не удержался от подковырки Василий.

– Так, на лошади. Когда вы ее запрягали в телегу, деревня смеялась. Так и ехали без хомута, под голову вы его положивши.

– А лошадь-то, Дуня, где?

– Так вы ее продали цыгану, а хомут не продали, все время был на вас надевши.

– Пора, Дуня, тебе назад в Ежи ехать, так сказать, на малую родину. Я тебя ничем не оби-дел, не приставал?

– Нет, я и хомут уже сняла, и ботинки. Это Гришка у нас, вдрызг пьяный, а бабу затащит к себе. Тетка Пелагея так сама ему навстречу бежит, других обгонявши.

– Не забудь разбудить Бориса, Дуня. У него жена с курорта завтра возвращается, хоть побреется.

– У нас Кузьмич, звонарь на каланче, ну, когда пожар там, не брется с войны. Длиннющая. Я вон кака толстая, а он ажник три раза обкручивал меня, щекотно так.

– Сколько же Кузьмичу лет?

– Так он давно меня обкручивал, на сенокосе.

– Даже отлегло от сердца, когда узнал об амурных делах Кузьмича. Давай, Дуня, скоро автобус. Хомут возьми. Подари от меня Кузьмичу. С длинной бородой есть люди, а с хомутом, да еще и на шее, определенно нет.

– Как здорово! Легче будет воду возить на тележке, приделает оглоблики – и все: пальцы он на руке отморозил по сугробам ползши.

– Был опьяневши? – снова перешел на малоузенский диалект Василий.

– Так он один на каланче, чё ему делать? Как слез с нее тогда, лучше бы не спускавшись.

– Мудрые в Ежах люди, Дуня, не зря так называется деревня. Я вот, четверть века живу, а ежей видел только на картинках, посмотреть бы.

– Хотите еще раз к нам на отдых приехать? Так я скажу, самогонки нагоним – на хутор не надо будет бегать.

– Подумаем, Дуня.

– А чё думать? Не сделаешь подумавши-то.

Противостояние

(быль, украшенная сказкой)

Утро, покраснев от натуги, выкатывало из-за горизонта солнце. Малый и Большой Узени с нанизанными на них прудами сверкали ожерельем на груди заволжской степи. Еруслан Мокроус поправил съехавшую с плеча уздечку. Если он богатырь, значит, у него должен быть конь, а если просто выдубленный ветром и завяленный солнцем мужик, вернется он в деревеньку, и снова станет лицевать плугом пласты уже чужой земли. Не может он без крестьянской доли. Землепашцами были и дед, и прадед, родословная вела к Микуле Селяниновичу, если не обманывала бабка, баюкая его в колыбели. Бывало, когда ломалась в мастерской кран – балка, он заменял ее, приподнимая руками «Кировец», чтобы поставить отремонтированный задний мост. Что это? Он действительно богатырь? Конь мчится к нему, выбивая искры об окаменевшую степь. Не напрасно, значит, он выковал себе палицу из лемехов плуга. Еруслан Мокроус вскочил на коня и, как Илья Муромец на картине Васнецова, посмотрел вдаль из-под широкой ладони: нет ли ворогов на русской земле, давно ее не сторожили, однако. Но только ветер гонял по степи колючки и, оцарапавшись о них, рычал от негодования, и река Узень, похудев за лето, разлегалась устало у горизонта. Обретший, наконец, хозяина конь радостно заржал и помчался через холмы и доли в степную Русь. Подняв пыль, ринулся за ним с любопытством ветер, но отстал: больно надо – не в настоящей же сказке.

От Узеня к Узеню богатырскому коню три скока. На берегу у сторбленного дуба сидел средних лет мужчина в косоворотке. Человек, как человек, только плечи были – шире, чем у Еруслана, да держал он в руках меч обоюдоострый – не Добрыня Никитич ли подарил?

– Сам смастерил по рисункам старых художников, – сказал неизвестный.

– Откуда будешь, добрый человек, какая печаль омрачила твое чело?

– Чабан я. Овец в Междуречье пас. Засухи замучили, вылизывают до дна все водоемы и запруды. По просьбе земляков проложил я канал, привел в степь за руку, как невесту, голубоглазую Волгу. Но отнял ее Иргиз Кривой, спрятал в водохранилище, и выдает по капле за большие деньги. А у меня кроме косоворотки и меча ничего нет.

– Не одно, значит, горе горькое бродит по Межузенью. Будем вместе биться с нечистой силой, обложившей матушку Русь. Коня бы тебе, добрый молодец, зовут- то тебя как, величают?

– Зовут меня Моня Узенский, по батюшке – Емельянович. Скоро должен прийти сюда Ванюша Степняк – специалист, все науки осилил в городе – и агроном, и зоотехник, и инженер. Здесь, в Междуречьи, и дальше к Синим горам, он никому не нужен, обходятся без ученых специалистов. Он еще молодой, не знает, куда силу деть: вот, дуб согнул до земли, заплел в косу ветви.

– Найдем, где применить ему силу. Ты слышал что-нибудь о Елене Сайгак?

– Слышал. Елена Прекрасная, так ее прозвали, не только скот у крестьян забрала, у нее в загонках сайгаки, лисы и зайцы. До Синегорья теперь только суслика можно увидеть. Людям и животным нагоняет страх ее дядя Фрол Погоняло. Говорят, на его кнут ушло более ста кож.

– Это его кличка или имя? – поинтересовался Еруслан.

– Может быть, и кличка.– К ним подходил высоченный парень с синими глазами и вороном на плече.– А вот и наш Ванюша Степняк. Чем не Алеша Попович?

– Они из былин, а мы крестьяне из местных деревень, но будем бороться за справедливость, – сказал Еруслан.

– С кем? – Ванюша Степняк устремил свой взгляд на точку у горизонта. К ним быстро приближались два всадника, все сильнее раздавался топот лошадей, из-под копыт стаями галок вылетали комья земли.

– Мы разъезд Елены Сайгак. Есть указание больше трех в степи не собираться, – начал говорить старший, доставая мобильный телефон. – Сейчас узнаю, что с вами делать.

– Ты, Фрол, узнал я тебя, не гони пургу, – сказал Ванюша Степняк. – Кого ты представляешь, зачем ты здесь на нашей малой родине? Отвечай, пока не поколотили.

– Меня? Ха- ха – ха! – раздалось по речке, словно лодочный мотор заработал. – Смотри, Ибрагим, какие смелые ребята, – и достал из перемета свой кнут, распрямившийся как змея в смертельном броске.

Мгновенье, и перехватила рука кнут, выдернула из седла Фрола Погоняло, и уже лежал он, выкатив от страха глаза, у ног Ванюши.

– Если с этим отродьем биться, то я согласен, – начал он стегать кнутом самого Погоняло. Старался не бить сильно, но рваные полосы оставались на спине дорогой из тонкой замши куртки. Второго наездника вытащил из седла Еруслан.

– Пока бить тебя не будем, скажи Елене Прекрасной, чтобы утихомирилась. Доберемся и до нее. Проваливайте, лошадей реквизируем как частицу ее долга за наш скот.

– Подожди, Ерусланушка, во всем должна быть справедливость. Он тоже виноват и пусть попляшет. Ну? – посмотрел Ванюша на Ибрагима.

– Я могу только лезгинку.

– Давай.

И пошел Ибрагим в пляс вокруг дуба израненного:

– Асса!

Незванные гости исчезли так же быстро, как и появились, хотя были уже без лошадей.

Еруслану Мокроусу показалось, что переборщил Ванюша Степняк, и надо было сначала поговорить с ними.

– Почему такой хмурый? Это начало пути, и дороги назад нет, зло должно быть наказано, – Ванюша Степняк, перебросив ногу через лошадь, сел в седло. – Маловат Боливар, не вынесет, нужен битюг массивнее. В путь, крестьянские богатыри, помчимся туда, не зная куда, найдем то, не зная что. Решили войти в сказку, смелее. – И они поскакали, обгоняя мячи – колючки, которые все еще гонял по степному бескрайнему полю ветер. Вслед им радостно махал выкрученными ветвями согнутый до тына Ванюшей старый дуб: слава Богу, устоял.

За Узенем поникла от жары даже полынь, катились к горизонту волны ковыля, пробиравшегося сединой на брошенной земле. Стареет без ухода русское поле, не звенит спелыми колосьями злаков, не украшают его отары овец, похожие на опустившиеся отдохнуть облака. Трое неслись на скакунах к Синегорью. Ванюша пел песню о черноглазой казачке, Мотя Узенский горевал о прожитых напрасно годах, Еруслан Мокроус был мрачен и сосредоточен.

– Разъедемся, – остановил коня Ванюша Степняк, – один – к сайгачке, другой – к Иргизу, а мне все равно к кому, лишь бы померяться силой, обиду унять, тоску развеять.

– По большой любви ты тоскуешь, не встретила она пока тебе. Каждый, как оспой, переболевает ею, если не сделать прививку. Ты скачи к Елене Прекрасной – злая красавица вылечит тебя, – поправил Еруслан.

– Или погубит, – вставил Моня Узенский.

– Вот это по мне. Посмотрим: кто из нас будет вакциной от любви. – Опираясь ногами о землю, он толкнул коня вперед и, чтобы не упасть, тот сразу помчался галопом.

– Док Кихот заволжский, – весело сказал Моня Узенский, наблюдая, как Ванюша перебирал ногами, помогая коню взобраться на пригорок.

– На героя сказки Пушкина больше похож: не конь его, а он коня между ног несет. Хитрости бы ему, как у Балды, одной силы может и не хватить.

– Ничего, справится. Видел, как кнутом отодрал Погонялу. Я пастух, а так бы не смог.

– Будем надеяться, нам самим бы голову не сложить: к басурману едем, сильному и хитрому.

Уже к вечеру сдвоенной тягой Ванюша Степняк и Боливар, как он стал называть коня, добрались до стана сайгачки. Повсюду виднелись загоны скота, к которым тянулись каналы для водопоя. Убегали к горизонту папахи ометов, многоэтажные коровники с комплексом машин, из которых по трубам лилось в стеклянные башни молоко. Рядом стояли перерабатывающие комбинаты, и главной тут была Елена Прекрасная, известная больше, как Елена Сайгак. Так ее прозвали, когда она собрала в свои загоны всех степных сайгаков. Что она от них получала? В дело шли даже копыта животных, из которых вытачивали наставные ногти для городских модниц.

Когда Ванюша выехал на своем Боливаре на пригорок, казалось, высыпали из главного офиса все: похохатывали, показывая на него рукой. Было прикольно: на фоне сизых облаков и вечерней зари стоял синеглазый богатырь, между ног которого фыркал конь, казавшийся не больше ишака. Волосы незнакомца бурунами падали на плечи, на одном из которых сидел ворон. В руках богатырь держал кожаный кнут Погонялы.

– Если вами помыкает какая-то коза, овца или сайгак, не трудно представить, кто вы, – прокричал он словно в трубу, приставив ко рту ладонь. Передайте вашей госпоже, что я буду ждать ее на поле возле реки для битвы за справедливость. Если у нее сердце, как у сайгака, и она трус, пусть скажет, прислав своего битого Погонялу.

Из огромных ворот выскочила наездница на белом коне и приблизилась к Ванюше Степняку. Сабельный разрез глаз, в которых он увидел огни кочевий и почувствовал неодолимую волю золотой орды, смутили его. Слово «прекрасная» мало подходило к ней. Казалось, она взяла лучшее у народов всех континентов, но больше в ней было восточного, загадочного.

– Чего прискакал, синеглазый, обзываешь меня козой. Кстати, сайгаков я собрала в загоне, чтобы не погибли после засухи в степи. По той же причине создала зверинец для дроф и лис. Теперь звери сами не уходят от нас: здесь им лучше, наверное, спроси у них сам, – пошутила девушка. – Жди меня завтра у ракиты на берегу Узенья.

Не собрало еще солнце росу с травы и деревьев на речке, где отдыхал Ванюша, как послышался рокот мощного мотора. На всякий случай перелетел на другой берег Узенья спавший рядом на ветке ворон. Он долго живет на грешной земле и повидал многое: береженого Бог бережет.

Показался белый «Мерседес», из которого вышла Елена Прекрасная. Короткая прическа, деловой костюм, высокие каблуки, улыбка на умном лице. В темных глазах грусть. Но вот по ним пролетела искорка, и вспыхнуло пламя.

– Ты, синеглазый, не успокоился? Зачем побил Погоняло? Он только исполнитель.

– Начинаешь с вопросов, красавица? Я думал, ты прискачешь на коне, сразишься со мной, – в каждую клеточку его могучего тела вместе с ее взглядом вливалось новое неизведанное чувство, которое вызывало тревогу, усиливало ощущение одиночества в этом огромном мире.

– А у меня в машине табун лошадей. В чем же твои претензии? Они кажутся мне не обоснованными.

– Повторюсь: забрали вы с Иргизом у крестьян землю, скот, воду, которую привели в степь другие люди. Вернуть надо. Для этого мы и вошли в сказку, чтобы помочь землякам.

– И моя цель – помочь людям. Я даю им работу. Разве ты не видишь разоренные села, брошенные земли. Скулят в основном лодыри и пьяницы, и вот находятся такие разудалые молодцы, как ты, защитники униженных и оскорбленных.

– Слова твои, прекрасная девушка, льются прохладным ручейком в жаркий день, но говорить и делать не всегда одно и то же. Под тобой табун лошадей с кучером в бронезилете, а у того, кто на тебя горбится, только радикулит. Давай перестанем заливаться соловьем и начнем поединок. У меня конь маловат, будем биться пешими.

– Какой ты упертый, Ваня, жаль. Выбираю вид состязаний я, не будет же бороться богатырь с девушкой на высоких каблуках. Кто лучше знает сельскохозяйственное производство, тот и победит. Вопрос первый: арбуз – фрукт, овощ или ягода?

– Сложнее не могла придумать, красавица, отберу твой «Мерседес»: ягода.

– Правильно.

– Второй вопрос: сколько руна можно снять с одного барана?

– Специально поддаешься? За десять килограммов, бывает и больше.

– Хорошо, последний вопрос: сколько операций делает на севе «Кировец»?

– Обычно, Лена, он выполняет три операции – культивацию почвы, заделку семян с удобрениями и прикатывание посевов или разравнивание почвы шлейфом.

– Признаю, я проиграла.

– Я так не считаю, для выпускника аграрного университета это семечки. Если ты сумеешь назвать хотя бы одно преимущество жизни крестьян в твоей корпорации, я навсегда уйду от твоих прекрасных глаз к устью Узенья, займусь ловлей рыбы в лиманах.

– Зачем так далеко. С глаз долой, не значит, из сердца вон.

– Как я хотел это услышать...

– Лучше отпущу я всех желающих в их родные деревни, отдам им скот, птицу, и «Мерседес» мне не нужен, – уткнулась она, зарывав, в грудь Ванюши. Его глаза наполнились такой нежностью, что удивился даже ворон. Таких метаморфоз он еще не видел на своем веку и старался не каркнуть ненароком, чтобы не спугнуть нарождавшееся чувство, извечное как сама жизнь. Он знал об этом, до сих пор живет в его сердце память о своей серой подруге.

Два всадника неслись по ночной степи вдоль Иргиза, извилистое русло которого удлиняло путь. Светила луна, безразлично выглядывали из-за синего полога ночи звезды, прибрежные деревья бросали на скачущих холодные тени.

– Река петляет, словно не хочет пускать нас к своему тезке Иргизу Кривому, – сказал Еруслан, – Срежем путь – дорогу укажет Большая Медведица, мы с ней давно знакомы. Когда ночью пашу поле, она приветливо подмигивает мне.

К утру они были у огромного водохранилища. Моня Узенский заехал в него прямо на коне. Один разбрызгивал воду ноздрями, вытаращив огромные глаза, другой разбивал волны ладонью, и оба ржали от восторга.

Плотина, перегораживающая речке русло, тянулась до горизонта, уровень воды вохранилище был намного выше. Заплатишь денежку – откроет Иргиз водосбросное устройство, нет – довольствуйся талой водой, а если засуха и ее нет вообще – иди на поклон к Елене Прекрасной. Все у них обдумано, взаимосвязано.

На низкорослую широкозадую ветлу сел ворон.

– Птица Ванюши Степняка, прислал ее к нам, – взял ворона в руки Еруслан Мокроус, – А вот и бумажка. Какую прислал весточку Ванюша? Ага, приглашение на свадьбу. Какую свадьбу, кто жених, кто невеста?

– Не понял? Коню моему понятно: на Елене Сайгак он женится. Поразила она его своей красотой, влюбился парень – вот тебе и богатырь, вот тебе и сказка.

– Как же наши обиженные крестьяне, кто им поможет?

– Есть у меня одна мыслишка: надо захватить водосбросное сооружение и полностью открыть его, чтобы наполнить свои пруды. Вернутся домой крестьяне, оживут деревни.

– А на следующий год снова захватывать это сооружение? Иргиз встретит нас полчищами охранников.

– Посмотри на ворона, – улыбнулся Мона Узенский, – ничего снова не понял? Ванюша Степняк и его жена Елена Прекрасная помогут. Половину проблемы решит любовь. Для оставшейся задачки найдем новые решения. Как я во всем разобрался, а? – похвастался он.

Таких девятых валов сбрасываемой воды не видели бывалые моряки и в океане. За ночь опустело водохранилище и, наоборот, заполнились водой пруды, лежащие вниз по реке.

Увидев палицу и меч в руках богатырей, дрогнули охранники Иргиза Кривого. Отдыхал он на Лукоморье, где стоял памятник дубу зеленому с котом ученым и сидящей на ветвях русалкой. Сам поставил этот памятник, и многие говорили, что очень похожа была русалка на Елену Прекрасную. Оборвал Ванюша Степняк его мечты, как хулиганы цепи на дубе том. Поцеловал он холодные губы русалки и, сверкнув единственным оком, бросился в море и поплыл с глаз долой в басурманскую Турцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.